

"Америка без холодной войны", опубликованной в весеннем выпуске журнала "Foreign Policy" за 1990 г. С его точки зрения, основанная на строгом соблюдении национальных интересов политика (это не то, что он сам предпочитает) резко ограничила бы американское участие в большинстве мировых дел.

¹² "Правда", 7 февраля 1990 г., стр. 2.

¹³ Bill Keller. Russian Nationalists: Yearning for an Iron Hand, "New York Times Magazine" 6 January 28, 1990, p. 50.

¹⁴ Осознав последствия этого для советской позиции в переговорах, в апреле Министерство иностранных дел предприняло необычный шаг, объявив, что Вячеслав Дашичев, один из самых смелых советских комментаторов по германскому вопросу, не принимал участие в подготовке практической политики.

¹⁵ См. "Germany in a Semi-Gaullist Europe". Foreign Affairs 58 (Spring 1980), p. 873. Штерн имел в виду отход Западной Европы от позиций американского руководства в годы администрации президента Картера. Можно было бы привести аргументы, что его описание применимо даже к собственному голлизму де Голля.

¹⁶ "Правда", 16 марта 1990 г., стр. 2.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Уолтер Лахер

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: СТОЛЕТИЕ КОНФЛИКТА ВОЗВЫШЕНИЕ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА *

Наставники Гитлера

Победа пришла к крайним партиям ряда стран Европы на волне хаоса, возникшего в ходе первой мировой войны и после ее окончания. Левые и правые радикальные движения существовали в Европе и до 1914 г., но лишь военные разрушения, вызванные ими политические и экономические кризисы и роковое ослабление традиционных сил сделали радикалов серьезными претендентами на политическую власть. Итальянский фашизм и германский национал-социализм были движениями контрреволюционными. Но было бы ошибкой не видеть в них ничего большего. Волна национализма, которая привела их к власти, была вызвана крайними правыми силами, но создание ими тоталитарных режимов, вышедших далеко за пределы традиционных левой и правой концепций, обусловили их динамичность.

Впервые противостояние нацизма и большевизма имело место в 1919 г., когда только что возникший советский режим вел борьбу за самое свое существование против внутренних врагов и иностранного вторжения и когда нацистская партия была не более чем местной группировкой ничтожного политического значения. Мнение Гитлера о России и коммунизме представлялось в то время маловажным, ибо он еще не играл ведущей роли даже на мюнхенской политической сцене, не го-

---

* Главы из книги "Russia and Germany", Little, Brown and Company, Boston, 1965. Второе издание вышло в Transaction Publishers, New Brunswick, New Jersey, 1990.

"Америка без холодной войны", опубликованной в весеннем выпуске журнала "Foreign Policy" за 1990 г. С его точки зрения, основанная на строгом соблюдении национальных интересов политика (это не то, что он сам предпочитает) резко ограничила бы американское участие в большинстве мировых дел.

¹² "Правда", 7 февраля 1990 г., стр. 2.

¹³ Bill Keller. Russian Nationalists: Yearning for an Iron Hand, "New York Times Magazine" 6 January 28, 1990, p. 50.

¹⁴ Осознав последствия этого для советской позиции в переговорах, в апреле Министерство иностранных дел предприняло необычный шаг, объявив, что Вячеслав Дашичев, один из самых смелых советских комментаторов по германскому вопросу, не принимал участие в подготовке практической политики.

¹⁵ См. "Germany in a Semi-Gaullist Europe". Foreign Affairs 58 (Spring 1980), p. 873. Штерн имел в виду отход Западной Европы от позиций американского руководства в годы администрации президента Картера. Можно было бы привести аргументы, что его описание применимо даже к собственному голлизму де Голля.

¹⁶ "Правда", 16 марта 1990 г., стр. 2.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Уолтер Лакер

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: СТОЛЕТИЕ КОНФЛИКТА ВОЗВЫШЕНИЕ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА *

Наставники Гитлера

Победа пришла к крайним партиям ряда стран Европы на волне хаоса, возникшего в ходе первой мировой войны и после ее окончания. Левые и правые радикальные движения существовали в Европе и до 1914 г., но лишь военные разрушения, вызванные ими политические и экономические кризисы и роковое ослабление традиционных сил сделали радикалов серьезными претендентами на политическую власть. Итальянский фашизм и германский национал-социализм были движениями контрреволюционными. Но было бы ошибкой не видеть в них ничего большего. Волна национализма, которая привела их к власти, была вызвана крайними правыми силами, но создание ими тоталитарных режимов, вышедших далеко за пределы традиционных левой и правой концепций, обусловили их динамичность.

Впервые противостояние нацизма и большевизма имело место в 1919 г., когда только что возникший советский режим вел борьбу за самое свое существование против внутренних врагов и иностранного вторжения и когда нацистская партия была не более чем местной группировкой ничтожного политического значения. Мнение Гитлера о России и коммунизме представлялось в то время мало важным, ибо он еще не играл ведущей роли даже на мюнхенской политической сцене, не го-

---

* Главы из книги "Russia and Germany", Little, Brown and Company, Boston, 1965. Второе издание вышло в Transaction Publishers, New Brunswick, New Jersey, 1990.

воря уже об общегерманских делах. На самом деле, однако, это имело величайшее значение, так как именно между 1919 и 1923 гг. сформировалось мировоззрение Гитлера и его партии. Он ненавидел евреев и испытывал традиционную неприязнь австрийского националиста к славянам. Но за исключением этих двух основных идей (или предрассудков) Гитлер в 1919 г. оставался в основном еще не написанной страницей. К 1923 г. его мировоззрение уже сложилось, и до конца его жизни оно не претерпело каких-либо существенных изменений.

На первый взгляд представляется, что исследование формирующих политических воздействий, на основе которых сложились воззрения Гитлера на коммунизм и Советский Союз, никаких особых трудностей не представляет. Большинство действующих лиц этой драмы, их поступки, высказывания и писания известны, и о них имеется достаточно подробный документальный материал. Существуют, однако, трудности особого рода: исследователю приходится обращать внимание на вопросы, кажущиеся далекими от темы. Дело в том, что влияние немцев прибалтийского происхождения и их друзей из крайних правых кругов русской эмиграции на Гитлера и его партию в те ранние годы отнюдь не было ничтожным. Многими годами позднее сам Гитлер шутливо говорил, что ранний "Фольксгер беобахтер" по-настоящему следовало бы называть "Мюнхенер беобахтер - балтийское издание".¹

Русские источники национал-социализма не могут быть подвергнуты анализу вне связи с событиями и политическими движениями предреволюционной России, такими как про-тофашистский "Союз русского народа". В точности так же огромное воздействие "Протоколов сионских мудрецов" не может изучаться вне широких рамок сотрудничества между правыми экстремистами России и Германии, корни которого уходят далеко назад - к 80-м годам XIX века. Это, в свою очередь, приводит исследователя к таким проблемам, как происхождение фашизма и современного антисемитизма. В Германии переход от религиозного антисемитизма к расистскому носил весьма отчетливый характер, тогда как в России связь между крайне правой, религиозным истэблишментом и

монархией была значительно более тесной. Русские крайне правые никогда полностью не освободились от этих связей; сделав несколько неуверенных шагов по направлению к социальной демагогии и фашистским методам пропаганды, они по существу остались реакционерами старомодного образца, и потому их общественная и политическая привлекательность была гораздо более ограниченной. Это справедливо по отношению к немцам балтийского происхождения, которые играли столь заметную роль в ранний период нацистского движения: люди, подобные Шейбнеру-Рихтеру и Розенбергу (несмотря на антихристианские сентименты последнего), были по существу крайними консерваторами. Их вклад в политику и идеологию национал-социализма был весьма важен, но более радикальные и революционные веяния в нем имеют иное происхождение. Воздействие их взглядов на Гитлера было в самом деле весьма сильным в течение какого-то времени, однако, Гитлер, обладая способностью быстро обучаться, был весьма избирателен в симпатиях. Так, он быстро понял огромные возможности использования "Протоколов сионских мудрецов" и доктрины "тайной руки" и присвоил их себе, но он не воспринял общих идей Розенберга и был весьма низкого мнения о правом крыле русской эмиграции, после того как она продемонстрировала свою политическую несостоятельность в 1919-1922 гг. Но все это было в будущем. В 1920 г. Гитлер был всего лишь руководителем одной из множества небольших группировок. "Фольксдейчи" из Риги и русские из Москвы, с их значительными политическими и финансовыми ресурсами, казались ему важными потенциальными союзниками.

В 1919-1920 гг. многие русские, отступая с разгромленными белыми армиями, достигли Центральной Европы. Однако лишь немногие из этих русских имели политическую направленность и еще меньше было среди них "идеологов". Из этих последних некоторые принадлежали в России к крайне правым или примкнули к правым в ходе гражданской войны. Они поселились в Берлине и Мюнхене и искали контактов с близкими по взглядам партийными или политическими деятелями. Они встретились и вступили в сотрудничество с

руководителями крайних националистических и расистских группировок, такими как граф Ревентлов и фельдмаршал Людендорф, с антисемитскими группами и антибольшевистскими объединениями, вырвавшимися как грибы в 1917-1918 гг. Массовых последователей не было ни у одной из них, однако ходили слухи о новой группе, только что возникшей в Мюнхене Германской национал-социалистической рабочей партии. Говорили, что ее возглавляет весьма способный бывший военный, который может преобразовать маленькую раскольническую партию в долгожданную крупную политическую силу крайних правых. Некоторые из прибалтов - беженцев от русской революции вышли на эту группу, а затем и присоединились к ней и вскоре заняли там ведущие посты. Они привели с собой своих русских друзей, и на них тоже произвел впечатление бывший ефрейтор - отличный, напористый оратор. Они тоже решили помочь новой партии. Объединенное воздействие прибалтов и русских эмигрантов ощущалось на всех уровнях. Начать можно с их идеологического влияния: как будет показано ниже, русские привнесли немало важных составляющих в нацистскую идеологию. Они обеспечили партии политическую ориентацию и финансовое содействие, которое, возможно, сыграло решающую роль на критических поворотах трудной ранней истории нацистской партии. Это понятно: как говорил позднее Гитлер, нацистская партия была в то время весьма хрупким растением.

В исследованиях о происхождении германского национал-социализма подчас уделялось внимание весьма малопонятным и невероятным предположениям, в то время как более заметное и глубокое влияние эмигрантов из России не привлекало внимание. Существуют два возможных объяснения такого недосмотра. Историки нацистского движения не были заинтересованы (а иногда и не имели достаточной квалификации), чтобы истолковать влияния с Востока. Определенную роль могли сыграть языковые барьеры и трудность изучения исторических источников. Другое объяснение, пожалуй, еще существенней: произошедшее впоследствии отодвинуло в тень многие события ранней истории нацизма. Влияние выходцев из Прибалтики в последующие годы

растаяло: Шейбнер-Рихтер был убит уже в 1923 г., а Розенберг, потерпев полный крах в качестве политика и организатора, быстро утратил позиции. Когда гитлеровская партия стала массовым движением, правые русские эмигранты стали для нацистов обузой. В конце 20-х годов отношения этих двух групп стали не более чем однонаправленными: некоторые группы русской эмиграции находились под влиянием нацизма, но уже не имели никакого влияния на Гитлера, который считал их политическими неудачниками, могущими только повредить его делу.

Эти позднейшие события не должны, однако, заслонять тех фактов (а фактически они их заслонили), что одно время Шейбнер-Рихтер был главным помощником Гитлера и что теории Розенберга оказали глубокое воздействие на Гитлера в период его формирования как политика (хотя официально он никогда этого не признавал); что в целом между 1919 и 1923 гг. влияние русских, которые везли в Германию "Протоколы сионских мудрецов" и делали денежные взносы в нацистскую кассу, было весьма сильным. Пятнадцатью годами позднее один из них писал, что "эта скромная книжная лавка [на Мауэрштрассе 15, Берлин, где можно было приобрести "Протоколы" по-немецки и по-русски], известная вначале лишь немногим, затерянная в одном из множества берлинских кварталов, была тем не менее штаб-квартирой того блистательного народного движения, которое десятью годами позже привело Гитлера к власти". О Шейбнере-Рихтере тот же автор писал, что "он в буквальном смысле слова заложил фундамент движения, которое привело Гитлера к власти".⁴ Разумеется, эти претензии преувеличены: в 1933 г. каждый хотел пристроиться к нацистской колеснице и выступить в роли "старого борца". Однако под мишурой выпрепанных речей и исторического приукрашивания скрываются элементы истины, заслуживающие проверки.

В январе 1919 г., через несколько недель после окончания первой мировой войны и свержения монархии в Германии, мюнхенский слесарь Антон Дрекслер основал в пригородной пивной новую политическую группировку -

"Немецкую рабочую партию". В это время политические организации вырастали как грибы, но большинство их было малочисленно и не имело никакого значения; организация Дрекслера явно была одной из самых маловажных: по прошествии нескольких месяцев в ней было не более полудюжины членов. Эта ничтожная группа не ускользнула от внимания местного командования рейхсвера, которое осуществляло надзор за всеми крайне правыми группами и в определенной мере сотрудничало с ними. Ефрейтор Адольф Гитлер, носивший временный и неофициальный ранг политического офицера (офицера-наставника), проследовал 12 сентября 1919 г. в мюнхенскую пивную "Штернекер", чтобы доложить военным властям о группе Дрекслера. После встречи он решил, не без колебаний, присоединиться к этой группе³, и вскоре стал главным ее пропагандистом. Его выступления проходили весьма успешно, и число присутствующих на собраниях группы постоянно росло. Но лишь в июле 1921 г. Гитлер стал руководителем группы: до этого ею руководил комитет.

Партия продолжала расти и распространилась из Мюнхена на некоторые другие города Баварии. Чтобы терроризировать противников партии, были созданы отряды штурмовиков (СА), и в январе 1923 г. нацисты провели в Мюнхене свой первый "рейхспартейтаг" - национальный съезд. По характеру партия осталась региональной, баварской, но слава о ней пошла по всей Германии, и Гитлер стал фигурой общенационального политического значения. Однако неудачный путч в ноябре 1923 г. временно приостановил активность нацистов.

Политическую платформу раннего периода нацистской партии нелегко восстановить во всех деталях. Программа партии была опубликована уже в феврале 1920 г., партия организовывала бесчисленные митинги и демонстрации. Однако протоколы и записи раннего периода неполны. Более всего сохранилось изложений речей. Лишь в декабре 1920 г. партия обзавелась официальным печатным органом - "Фолькишер беобахтер". Общая ориентация партии была вполне ясной: она находилась на крайнем правом фланге политического спектра,

ее пропаганда была направлена в основном против "преступников ноября" (социал-демократов и демократов), которые вонзили нож в спину доблестной германской армии и приняли Версальский мир. Партия выступала за "великую Германию" и прежде всего была антисемитской, ибо "евреи - источник всех наших бед". В то время таких групп в Германии было множество, но нацистская партия занимала самые радикальные позиции и вела совершенно разнузданную пропаганду.

Историки обычно описывают Гитлера как яростного антикоммуниста с самых истоков его партии. Успех партии в Мюнхене можно таким образом объяснить как реакцию малоимущих и средних классов на недолговечную советскую республику, провозглашенную в столице Баварии в апреле 1919 г. Однако более внимательное изучение вопроса вызывает сомнения в таких выводах. В ранний период существования нацистской партии Гитлер не видел в коммунизме своего основного врага и главную опасность для Германии. К этому убеждению они его партия пришли в конце 20-х годов, когда на самом деле опасность коммунизма снизилась. Среди пропагандистских тезисов, сформулированных Гитлером, "борьба против марксизма" занимает третье место после борьбы против евреев и мирных договоров⁴. В девяти случаях из десяти упоминания о марксизме связаны с социал-демократами, а не с коммунистами (социал-демократы были правящей партией). Это, в частности, видно из любопытной малоизвестной публикации Дитриха Экарта "Большевизм от Моисея до Ленина: мои беседы с Гитлером"⁵. Экарт, один из первых членов партии, критик и что-то вроде поэта, немало пожертвовал в партийный фонд. Он был одним из тех, кто оказал решающее влияние на Гитлера в ранний период. Однако несмотря на столь красноречивое название, в этой книге (в которой два вождя представлены думающими вслух) нет практически ничего о коммунизме: в ней есть наблюдения, касающиеся еврейской истории, Талмуда и других тем, включая социал-демократов от Эберта до Мартова, но ничего о коммунизме. Пожалуй, это не так уж удивительно, ибо позиция нацистов в отношении коммунистов, которых они рассматривали как объект возможного влияния, а то и руководства, ни в коей мере

не была последовательной, как это стали описывать впоследствии. Так, например, осенью 1919 г. Дитрих Экарт и Готфрид Федер сделали попытку завоевать сторонников среди местных коммунистов в Нюрнберге, но потерпели неудачу⁸. Несколькими месяцами позднее, выступая на партийном собрании в Мюнхене, Экарт заявил, что коммунисты германского происхождения обладают высоким идеализмом: бессознательно и непреднамеренно они работают на общее благо (имелось в виду спасение Германии)⁷. В статье "Еврейский и немецкий большевизм", опубликованной в его собственном журнале, Экарт прямо высказывался за то, что он определил как "германский большевизм", призвав состоятельных людей отказаться от прибылей⁸. Как и Гитлер, он воспринял призыв Федерера к разрушению "процентного ярма". Эта идея сначала пропагандировалась в газете Экарта, а затем стала пунктом партийной программы нацистов (впрочем, судьба этого пункта была несчастливой).

Столь же неустойчивы были взгляды графа Ревентлова, который стал впоследствии видным берлинским нацистом и депутатом рейхстага. Он был одним из главных пропагандистов "Протоколов" в Германии⁹, что не мешало ему какое-то время флиртовать с Радеком и даже писать в "Роте Фане" ("Красное знамя") - центральном органе германских коммунистов. Такая же непоследовательность свойственна и выступлениям Гитлера в тот же период. На встрече с австрийскими национал-социалистами в Зальцбурге в августе 1920 г. он заявил, что предпочел бы быть повешенным в большевистской Германии, чем спастись в Германии французской¹⁰. На открытом собрании в Мюнхене в феврале 1921 г. он сказал, что лучше если 500 тыс. ружей получат [германские] коммунисты, чем Антанта¹¹. Это не было случайной оговоркой: тщательное изучение нацистской литературы и деятельности нацистов показывает, что в то время тема коммунизма была второстепенной для Гитлера и его политических друзей. Это стало постепенно меняться в 1921 г. Перемены продолжались в 1922 г. и получили определенное завершение в 1924 г., когда Гитлер писал "Майн Кампф". Постепенной антикоммунистической индоктринацией Гитлер в основном обязан Альфреду Розенбергу, эмигранту из

Прибалтики и гражданину России, который прибыл в Мюнхен зимой 1918-1919 г. и присоединился к нацистской партии, когда в ней было меньше 200 членов. Между ранними антирусскими и анти-коммунистическими речами Гитлера, соответствующими пассажами из "Майн кампф" и писаниями Альфреда Розенберга можно обнаружить текстуальные совпадения¹². Макс Эрвин фон Шейбнер-Рихтер, тоже беженец из Риги, также во многом повлиял на Гитлера¹³. Через него Гитлер познакомился с ведущими русскими эмигрантами правого направления, учредившими в то время свою штаб-квартиру в Мюнхене, который обещал превратиться в "русский Кобленц" (центр роялистской эмиграции в первые годы Великой французской революции. - Примечание переводчика).

Именно из этих кругов Гитлер вынес идею о центральном месте антибольшевизма в нацистской идеологии и пропаганде и приравнивании большевизма к мировому еврейству. Другой вопрос, действительно ли Гитлер верил в это, и если так, до какой степени (в отношении Розенберга и Шейбнер-Рихтера, фанатичных антикоммунистов, это не вызывает сомнений), а в какой мере он просто считал это полезным для его внутренней политики мифом, а для внешней политики - подходящим оружием.

Безотносительно к тому, верил ли Гитлер в свою собственную пропаганду или нет, важно, какой она имела эффект. Через всю свою политическую жизнь Гитлер пронес скрытое восхищение Сталиным и русским большевизмом (но не германскими коммунистами). Те же чувства испытывали Геббельс и некоторые другие нацистские лидеры. Совершенно иной была позиция немцев из Прибалтики, таких как Розенберг и Шейбнер-Рихтер: они первыми вступили в конфронтацию с большевизмом и не желали никаких компромиссов и полумер в отношении него. Подобно немецким националистам в Австрии, они были большими германскими патриотами, чем сами "рейхсдейчен". В Прибалтике такие настроения были относительно новым явлением: примерно до 1905 г. прибалтийские немцы были верно подданными царя. Однако после революции 1905 г. их лояльность стала снижаться. По существу

в течение десятилетия между 1905 и 1914 гг. у вождей балтийских немцев произошла смена идеологической и политической ориентации¹⁴. Не все балтийские немцы пошли за своими лидерами, но все они почувствовали большую опасность поднимающейся волны национального сознания латышей и эстонцев с одной стороны, а с другой - опасность атак радикальных социалистов на их политические и общественные позиции.¹⁵

И революция 1905 г. и последовавшие за ней репрессии носили в Прибалтике более brutальный характер, чем в какой-либо другой части Российской империи. Многие баронские усадьбы были разрушены в ходе крестьянских и рабочих восстаний, а во время последовавшего за этим "усмирения" 700 "агитаторов" были приговорены к смерти в дополнение к сотням убитых без всяких формальностей.¹⁶ Среди балтийских немцев росло чувство изолированности. Они обнаружили, что царь, их традиционный защитник, вскоре окажется не в состоянии поддерживать их. В таких обстоятельствах было логичным сближение с Германией. Разумеется, тесные культурные связи с ней существовали всегда. Теперь они были дополнены идеологической переориентацией. Естественно, балтийские немцы должны были испытывать особый интерес к расистским и империалистическим течениям, расцветшим в Германии Вильгельма в те годы. Представители наиболее выдающихся семейств, таких как Штакельберг и Мантейфель-Кацданге проповедывали крайние националистические доктрины как на родине, так и на территории рейха. Именно в такой политической атмосфере сложились розенберги, шейбнер-рихтеры и все их поколение с начала века и в период русской революции. Они приветствовали оккупацию Прибалтики кайзеровской армией, и после катастрофы 1919 г. многие из этого поколения предпочли перебраться в Германию, в особенности интеллектуалы, которых не связывали с Прибалтикой имения или предпринимательская деятельность.

Прибалтийские немцы, одна из самых малых групп этнических германцев, были в то же время одной из наиболее культурных и громко заявлявших о себе групп. Их политическое

влияние в Германии никак не соотносилось с их численностью. Некоторые из них были известными литераторами и консультантами по внешней политике в вильгельмовской Германии, например, Теодор Шиман, издатель влиятельной газеты "Крейццайтунг", или Пауль Форбах - самый популярный и красноречивый из апологетов германского империализма. Теперь к ним присоединилась значительная группа более молодых и еще более радикальных земляков. Даже немногочисленные либералы из балтийских немцев, которые настаивали на сотрудничестве с русскими демократами еще в 1905 г., попали под влияние радикалов, и им также довелось сыграть роковую роль в веймарской Германии.¹⁷ Испытав горький опыт - и личный и групповой, - прибалтийские немцы из Курляндии и Ливонии считали своей миссией предостеречь германский народ от опасности, грозящей с Востока. В Адольфе Гитлере и его партии они нашли учеников, весьма охочих к учению.

Шейбнер-Рихтер

Шейбнер-Рихтер - весьма загадочная фигура ранней истории нацизма. До сих пор немало путаницы в сведениях о его предках, о его профессии, его деятельности в период первой мировой войны. Фактически все, что касается этого человека, почти не появлявшегося на авансцене, окутано тайной.¹⁸ Он был убит во время гитлеровского путча в ноябре 1923 г. и таким образом стал одним из первых мучеников нацистского движения. Ему следовало бы войти в нацистскую житийную литературу в качестве одного из святых - покровителей нацизма, как это случилось с Дитрихом Экартом. Однако хотя он был одним из ближайших доверенных лиц Гитлера, в годы третьего рейха он был более чем полужабыт. Рука об руку с Гитлером шествовал он в той роковой процессии 9 ноября 1923 г. Когда пуля поразила его, падение его тела вывихнуло Гитлеру плечо. Возможно, Гитлер в более поздние годы не хотел, чтобы ему напоминали об одном из тех, кто столь много помог ему в ранний период истории партии и был ближе других к нему в минуту опасности.¹⁹

Макс-Эрвин Шейбнер-Рихтер родился в 1884 г. в семье

балтийских немцев. Молодым человеком он служил в казачьем полку, а во время революции 1905 г. помогал в организации "самообороны" немецких поселенцев. Около 1910 г. он уехал в Германию, изучал в Мюнхене инженерное дело, служил в аристократическом мюнхенском полку легкой кавалерии и стал германским гражданином. В тот период он не проявлял политической активности. Он находился под воздействием модного учения Фридриха Ноймана, в котором крепкая вера в национальную миссию Германии имела некие социалистические оттенки. Шейбнер-Рихтер обладал немалой уверенностью в себе, а также способностью к языкам, умением завести друзей и влиять на людей.²⁰ Казалось, он рожден быть дипломатом. Он стремился служить на Восточном фронте, но вскоре получил второстепенный дипломатический пост консула его новой страны в Эрзеруме. Обладая явной авантюристической жилкой, он принимал участие в различных весьма опасных экспедициях в места обитания курдов и других племен в самых глухих углах Турции, неподалеку от линии фронта.

После краткого отдыха в Мюнхене, Шейбнер-Рихтер закончил местный технический институт. В 1918 г. он был назначен в штаб германской армии в Прибалтике ("Оберпост") главой прессбюро в Риге. Сначала никаких изменений в позициях немецких войск в этом районе после революции в России не происходило. В отличие от германской армии на Западном фронте, эти части не были разбиты в боях, и их командованию весьма не хотелось оставлять оккупированные территории. Шейбнер твердо верил в возрождение Германии. "Через пять лет возникнет новая Германия", - говорил он Августу Виннигу. Он был решительным противником революционного движения, однако, его попытки сагитировать немецких солдат и укрепить их дух против большевизма посредством газеты "Нейес Дейчланд" и других публикаций не принесли большого успеха. Под давлением Красной армии и получивших независимость латышей германские части были вынуждены отступить, и на долю Шейбнер-Рихтера выпало вести переговоры с Петром Стучкой, командиром местных частей Красной армии.

Как большинство из его окружения, Шейбнер-Рихтер был членом Рубонии - рижской студенческой корпорации. Под его командованием в "Оберпосте" служил другой член Рубонии - Арно Шикеданц²¹, который однажды обратил его внимание на переписку с товарищем их юности Альфредом Розенбергом, архитектором и художником, поселившимся в Мюнхене незадолго до них. Розенберг вращался в правых немецких кругах и был замешан в политических делах русских эмигрантов. Он написал Шейбнер-Рихтеру о своих переговорах с крупными южногерманскими фирмами, желавшими установить контакты с генералом Врангелем, обосновавшимся тогда в Южной России. Германские бизнесмены хотели торговать с территорией, находившейся под контролем Врангеля и, если нужно, предоставить ему экономическую помощь. Конечно, именно Шейбнер-Рихтер с его связями и знанием языков был тем человеком, который должен был поехать к Врангелю и организовать связь с Белой армией. В 1920 г. он добрался до Балкан, но врангелевская армия уже отступала по всем фронтам, и эти планы были оставлены. Однако в ходе поездки Шейбнер-Рихтер познакомился с ведущими представителями русской эмиграции, в особенности ее монархического крайне правого крыла. Чем больше раздумывал он над русскими проблемами, тем больше представлялось ему, что именно попытка ввести в России демократические реформы была источником всех зол. Он писал, что в России возможны только две формы правления - царизм или большевизм, и ничего более.²² Любая попытка управлять Россией буржуазных либералов (вроде кадетов), не говоря уже об умеренных социалистах, обречена на неудачу.

После возвращения в Германию Шейбнер-Рихтер продолжал сотрудничать с русскими правыми экстремистами. Затем имел место краткий антракт в Берлине. В марте 1920 г. группа армейских генералов и правых политиков сделала попытку свергнуть Веймарскую республику. Шейбнер-Рихтер был их кандидатом на пост главы информационной службы. Однако когда он добрался до Берлина, капповский путч закончился, и все, что ему осталось, - это вернуться в Мюнхен. Правительство рейха должно было привлечь его к суду за уча-

стие в заговоре, но обвинения против него были сняты, возможно, вследствие вмешательства влиятельных друзей, а может быть, потому что берлинские судьи поняли, что мюнхенские власти, предоставившие убежище всем правым политическим беглецам с севера, ни в коем случае не выдадут его.

От своего старого знакомого Розенберга Шейбнер-Рихтер слышал о существовании небольшой, но быстро растущей Германской национал-социалистической рабочей партии. В октябре 1920 г. он был представлен вождю партии. Он присутствовал на митинге 22 ноября и вскоре после этого вместе с женой вступил в партию. На Шейбнер-Рихтера благоприятное впечатление произвела гипнотическая сила, исходившая от бывшего ефрейтора, выходца из низших классов. Вскоре он охарактеризовал Гитлера как "пророка народной Германии"²¹ Восхищение было взаимным: на Гитлера весьма приятное впечатление произвел "большой аристократ", свободно чувствовавший себя во всех сферах общества. Правда, он не был идеологом и глубоким мыслителем, как Розенберг, но характер этого человека был значительно сильнее, чем у Розенберга - сомнительного представителя богемы. Шейбнер-Рихтер не мог ораторствовать перед публикой, но это Гитлеру и не было нужно. Но Гитлер остро нуждался в том, что Шейбнер-Рихтер мог предложить, - во вполне респектабельном представителе для контактов с высшими классами, к тому же способном организаторе, преданном движению, который мог бы добывать деньги и, что еще важнее, обладал бы нужными связями. Позже, когда Гитлер стал вождем массового движения, контакты в высших сферах утратили такое значение: банкиры и промышленники сами стремились, чтобы он взял их деньги. Но прорваться из полной безвестности на заметное место на национальной сцене - нельзя было сделать без денег и связей. В этом отношении помощь Шейбнер-Рихтера была исключительно важной. Он был гением добывания денег, что было совсем не просто в Германии в эпоху экономического кризиса. Говорят, он получал средства от бывших королей Баварии из дома Виттельсбахов, а также от одного из двух претендентов на русский престол - князя Кирилла Кобургского. Жена Кирилла Виктория Федоровна передала в 1922-1924 гг. в

распоряжение Людендорфа "огромные суммы" для распределения для немецких правых организаций.²⁴ Крупными пожертвователями были русские промышленники (в основном, нефтепромышленники), которые перевели часть своих капиталов в Германию, - Гукасов, Нобель, Денисов, а также барон Кеппен, двоюродный брат генерала Бискупского²⁵, который, как говорят, разорился из-за жертвований на эти цели.

Между семейством Шейбнер-Рихтер и кобургскими претендентами существовали тесные связи. Позднее жена Шейбнер-Рихтера Матильда вспоминала, как она ходила с великой княгиней Викторией, женой Кирилла, в пригород Мюнхена смотреть на военные учения СА - будущих спасителей Германии.²⁶

У Шейбнер-Рихтера имелись также полезные связи в немецких кругах: среди церковных иерархов, баварской аристократии, банкиров и руководителей тяжелой индустрии - таких как Рейш-Ханиэль и Тиссен. В отличие от других членов гитлеровской партии, сам Шейбнер-Рихтер был человеком состоятельным, и поскольку деньги он искал не для себя, а для того, что казалось ему достойным делом, это давалось ему легко и дело шло явно успешно.²⁷

Пожалуй, еще более важными были политические связи Шейбнер-Рихтера, которые включали практически всех известных деятелей правого крыла Германии того времени. Он был особенно близок к Людендорфу и Пенеру - шефу мюнхенской полиции, а в качестве бывшего офицера он имел прямой доступ в местное командование рейхсвера, которое с большой симпатией следило за деятельностью Гитлера и время от времени оказывало ему поддержку. Так, первый национальный съезд нацистской партии (январь 1923 г.) проходил в Мюнхене при поддержке местного командования рейхсвера, несмотря на сильную оппозицию гражданских властей. Еще до этого Шейбнер-Рихтер несколько раз помог Гитлеру избежать тюрьмы по обвинению в заговоре и попытке переворота. Однако большую часть времени и сил он посвящал работе среди русских эмигрантов.

В 1920 г. многие русские эмигранты еще отказывались признать свое поражение и изгнание окончательным. Они надеялись, что советское правительство будет каким-то образом свергнуто изнутри или падет по собственной неспособности, или же будет сброшено в результате какой-то интервенции из-за границы. Поэтому в центрах русской эмиграции шла большая работа. Был также и немалый разброд личного и политического свойства, гремели взаимные обвинения, причем это было не только между правыми, левыми и центром, но и внутри всех эмигрантских группировок. Эмигранты обвиняли друг друга в слабости, трусости, а то и в измене, в неправильном поведении в прошлом и в настоящем. Они ссорились относительно направлений их нынешней ориентации и относительно того, какой будет Россия после победы антибольшевистской оппозиции.

И в крайнем правом лагере положение в 1920 г. было весьма хаотичным. Одни группы ставили на Германию и проповедывали германо-русское сотрудничество в борьбе за новую Россию, однако степень согласия различалась. Князь Бермонт-Авалов, поселившийся в Берлине, соглашался быть германским агентом на любых условиях. В 1919 г. он создал в Прибалтике небольшую армию для борьбы с большевиками об руку с "фрейкорпс". Его весьма многочисленные противники выражали сомнения и в его княжеском происхождении, и в его военных способностях. Другая группа (также с центром в Берлине) состояла главным образом из бывших членов и сторонников "Союза русского народа", черной сотни эпохи царизма, которые считали каждого хоть немного более либерального, чем они, предателем России. Однако большинство консерваторов считало этих экстремистов простыми негодяями, иностранными агентами или провокаторами, немного лучшими, чем большевики. Острые споры происходили вокруг внешнеполитической ориентации: инстинктивно многие русские недолюбливали немцев и не верили в их добрые намерения относительно будущего России. Как мы можем думать о возможном сотрудничестве с Людендорфом, спрашивали они, ведь это он доставил Ленина в Россию в

пломбированном вагоне? К тому же было два претендента на русский престол: великий князь Кирилл Владимирович, женатый на немецкой принцессе Виктории Кобургской и имевший прогерманскую ориентацию, и великий князь Николай Николаевич, сидевший во Франции, с профранцузской ориентацией, пользовавшийся поддержкой большинства правой эмиграции.

Шейбнер-Рихтер был главным организатором крупного съезда монархистов в Бад-Рейхенхалле в конце мая 1921 г. Это была самая внушительная попытка привести всю русскую правую к единой платформе. Как обычно, сам Шейбнер-Рихтер держался в тени: он приветствовал участников съезда и работу его мюнхенской ассоциации, что тепло вспоминали некоторые из них в своих выступлениях, но предоставил русским самим копаться в собственных проблемах в надежде, что они найдут общий язык. Съезд в Рейхенхалле стал вехой в истории русской эмиграции, но надежды Шейбнер-Рихтера не осуществились.

Тем не менее он продолжал отдавать много времени решению задачи объединения правой русской эмиграции и создания на этой основе эффективной политической организации, которая могла бы соединиться с германской правой, в особенности с движением Гитлера, в борьбе за новую Россию. Он основал германо-русскую политэкономическую ассоциацию, целью которой было, в частности, развитие германо-русской торговли (с будущей Россией), и публиковал собственный бюллетень. Эта германо-русская ассоциация сначала называлась "Мост", но впоследствии она стала более известной под именем "Возрождение". Она публиковала периодическое издание под тем же названием. Это был популистский правый фронт различных политических групп, в который входили весьма уважаемые люди, такие как Крамер-Клетт, представлявший интересы Ватикана в Баварии. Однако ключевые посты в этом объединении занимали несколько давних друзей, которые - так уж случилось - все были членами той же бывшей рижской студенческой корпорации: Шейбнер-Рихтер, фон Курсель, Шикеданц; не хватало лишь Альфреда Розенберга. "Возрождение" делало акцент на экономическое

сотрудничество, однако, социал-демократическая газета "Форвертс" была, несомненно, права, считая это попыткой обмануть общественность²⁸: какое экономическое сотрудничество возможно, если "Возрождение" отказывается вести какие-либо дела с советским правительством?²⁹ Шейбнер-Рихтер был противником линии Рапалло: эта линия не была бы опасной, если бы германский народ вело сильное правительство. В сложившейся обстановке это может стать роковым³⁰. Он считал, что белые армии потерпели поражение потому, что они не были достаточно безжалостными: они приняли в свои ряды умеренных социалистов вместо того, чтобы обращаться с ними как с большевиками.³¹ Шейбнер-Рихтер считал ответственными за раскол в русской эмиграции евреев, в особенности "сионских мудрецов", и наставлял на строгих мерах против коммунистов: их следует вешать и истреблять, как в Италии.³² Он с похвалой отзывался о Муссолини, который заставлял своих противников пить касторку, и выражал надежду, что "принципы итальянского фашизма скоро будут общеприняты и в Германии".³³ Но у германских правых недоставало ответственности и для выполнения этой задачи. Шейбнер-Рихтер призывал их совершить "марш на Берлин, чтобы спасти германскую землю от красного террора".³⁴ Спасителя Германии он видел в Гитлере. Цитируя русскую эмигрантскую газету "Накануне", "Возрождение" предсказывало, что Гитлер - единственный человек, который может добиться чего-либо в Германии в эту зиму (1923 г.). Гитлер - умный человек, у него много сторонников среди отверженных и преследуемых. Борьба Гитлера решит судьбу не только Германии, но и всей Европы, а возможно, - и всего мира: "Борьба будет идти под лозунгом: советская звезда против свастики. И свастика победит".³⁵

Эти строки были написаны за несколько недель до первой - и безуспешной - попытки Гитлера захватить власть. Выраженный в них оптимизм не мог быть подлинным: Шейбнер-Рихтер не мог не заметить, что его предсказания насчет России не оправдались: советский режим не был свергнут. Теперь в статье, написанной для центрального органа нацистов, он призывал товарищей по партии учиться у русских, как надо действовать.³⁶

Создалась легенда, что Шейбнер-Рихтер был главным организатором путча в ноябре 1923 г., и многие историки приняли ее. Он был секретарем "Союза борьбы" - главного объединения всех крайних правых организаций в Мюнхене и действовал как связной между Людендорфом и Гитлером. Идея марша на Берлин была его идеей, но инициатива принадлежала Гитлеру. В сентябре Шейбнер-Рихтер развил стратегию переворота в деталях: он считал, что нет смысла в дальнейших стычках с полицией. "Национальная революция" наступит, после того как нацисты и их союзники легальными или полуполициейскими способами захватят ключевые посты в государстве и, в первую очередь, командные посты в полиции. Политическая ситуация такова, что решительная акция рано или поздно начнется. Национал-социалисты преуспеют, если они эффективно используют психологический фактор. Разумеется, это рискованно, но любое дело требует риска. Риск будет относительно невелик, и если акция получит поддержку народа, она будет выглядеть более законной.³⁷ Однако, как засвидетельствовала через много лет его вдова, в те дни октября и начала ноября 1923 г. Шейбнер-Рихтер не чувствовал себя слишком счастливым. Нападки сыпались на него со всех сторон. Католическая печать называла его политическим самозванцем и требовала выбросить его из Баварии: "Мы не завидуем этой добавочной фигуре в гитлеровской гвардии... Если бы были опубликованы имена руководителей гитлеровского движения, можно было бы увидеть, что три четверти этих имен - небаварские. Среди них есть люди, которые десять лет назад еще не знали, что Гизинг - пригород Мюнхена". Гитлеру пришлось защищать Шейбнер-Рихтера от нападок (в письме к Кару).³⁸ В начале ноября 1923 г. Шейбнер-Рихтер был в мрачном настроении: если даже у Германии будет когда-либо шанс восстать вновь, то сейчас кто-то наверняка совершает глупость, говорил он. В канун путча он рано лег спать, и когда Гитлер позвонил ему по телефону и пожелал с ним встретиться, Шейбнер-Рихтер согласился неохотно. Но когда Гитлер явился собственной персоной, старая магия сработала и энтузиазм к нему вернулся. Шейбнер-Рихтер вышел, чтобы принять участие во встрече Гитлера, Вебера, Пенера, Лю-

дендорфа и других руководителей намеченного путча, где было достигнуто соглашение о порядке действий. Среди бурных приготовлений он на несколько минут забежал домой: "Все идет гладко, выше всяких ожиданий, без кровопролития. У меня еще много дел, сегодня я дома не буду".³⁹

События этих 24 часов, от митинга в пивной "Хофбройхаус", где сложилась непростая коалиция Гитлер - Кар - Лоссов, и до марша на Фельдхернхалле могут быть воспроизведены во всех подробностях.⁴⁰ Шейбнер-Рихтер, как обычно, был связным - на этот раз между Гитлером, Людендорфом и монархистскими лидерами. В роковом шествии к Фельдхернхалле он шел рядом с Гитлером в форме офицера легкой кавалерии, во всех регалиях, остроконечном шлеме и пенсне. Он был одним из первых, пораженных выстрелами полиции. Падая на землю, он увлек за собой Гитлера, и этим, возможно, спас ему жизнь.

Путч был разгромлен в течение нескольких минут. Энтузиазм масс не вознес Гитлера к вершинам власти, как он надеялся, и некоторые из правых союзников оставили его. За всем этим последовал крупный процесс и пребывание Гитлера в тюрьме в Ландсберге, где он написал "Майн кампф". Выйдя из тюрьмы, Гитлер должен был начинать почти с самого начала, но ситуация была весьма благоприятной, и понадобилось немного времени, чтобы превратить нацистскую партию в мощный политический инструмент.

На похоронах Шейбнер-Рихтера присутствовали все лидеры националистов, которые остались на свободе после арестов в связи с путчем. Многие из них воздали должное жизни и работе погибшего руководителя "Возрождения" и "Союза борьбы".⁴¹ Они поклялись дружно продолжать работу, но без динамичной личности Шейбнера-Рихтера начался закат "Возрождения". Через некоторое время общество было запрещено баварским правительством, но вскоре с помощью влиятельных сторонников запрет был снят. Возник вопрос о преемнике Шейбнер-Рихтера. Во главе русского отдела организации стоял генерал Бискупский, с подозрением сле-

дивший за деятельностью украинского отдела, который возглавляли инженер Бутенко и полковник Полтавец-Остраница - крайняя фигура украинско-казацкой политики.⁴² Имелись глубокие расхождения между русскими крайними правыми и их немецкими друзьями, которые колебались между поддержкой восстановления России царистского образца и разделом России по национальному признаку, флиртуя при этом со Скоропадским и другими лидерами национальных объединений. Людендорф, в руках которого были финансовые рычаги, предложил двух кандидатов в преемники Шейбнер-Рихтеру: Арно Шикеданца и Отто фон Курселя. Оба были уроженцами Риги и принадлежали к той же студенческой корпорации. Фон Курсель был художником и поставщиком рисунков для некоторых ранних антисемитских памфлетов Дитриха Экарта и Розенберга. Он был менее вовлечен в политику и чуть старше по возрасту, чем Шикеданц. Предполагалось, что у него больше опыта, и он был избран преемником Шейбнер-Рихтера. Но вскоре начались новые интриги: Бискупский обвинил Курселя в том, что он принял сторону украинских сепаратистов против великороссов.⁴³ "Возрождение" раскололось на "Русское бюро" во главе с Бискупским и "Украинский центр" во главе с Курселем, и уже через несколько месяцев обе организации прекратили свое существование. К концу 1924 г. от великих проектов Шейбнера-Рихтера не осталось ничего: Бискупский посвящал все свое время русской эмигрантской политике, Курсель стал академическим живописцем и вернулся к политике лишь после 1933 г., а Шикеданц пошел работать под началом Розенберга в "Фолькишер беобахтер". Вдова Шейбнер-Рихтера осталась фанатической поклонницей нацистской партии. Несколько лет она проработала в бюро Гимmlера, основав службу газетных вырезок для Гитлера.

Некоторые современники Шейбнер-Рихтера полагали, что если бы он остался в живых, он не удержался бы на высших постах нацистской партии и третьего рейха. Это весьма вероятно: он был крайним консерватором и, в отличие от Гитлера, никогда не переставал верить в религию и монархию. Иными словами, у него не было революционного и нигилистского им-

пульса, столь явно проявившегося в мышлении нацистов, подобных Гитлеру и Геббельсу. Кроме того, у него были враги в нацистском руководстве: Геринг, например, не выносил его.⁴⁴ Он был весьма полезным, может быть, даже незаменимым орудием Гитлера в те годы, но вряд ли бы сохранилась нужда в нем, когда партия стала массовым движением, пользовавшимся поддержкой во всех классах общества по всей Германии.

Идеологическое воздействие Шейбнер-Рихтера на Гитлера было ничтожным, значительно большим было в те годы влияние Розенберга, хотя Гитлер, отличавшийся неблагодарностью, никогда не признавал этого открыто. Во всяком случае, Гитлер учился быстро: его не надо было убеждать, что для германской внутренней политики его прибалтийские соратники с их антикоммунизмом - парни полезные. Недолговечная Баварская советская республика вызвала серьезный испуг его земляков. Попытки немецких коммунистов поднять вооруженные восстания в других частях страны не имели больших шансов на успех, но помогли крайне правым обрести поддержку. В противоположность Муссолини, Гитлер никогда всерьез не изучал марксизм - это его не интересовало. На первом этапе антибольшевизм не играл центральной роли в нацистской пропаганде. Взгляды Гитлера на Россию и коммунизм сложились между 1919 и 1924 гг., а последствия этого сказались еще позже.

Альфред Розенберг

Альфред Розенберг, главный идеолог национал-социализма, был ведущим партийным авторитетом в русских делах. Родившийся в старом ганзейском городе Ревеле (Таллин) в 1893 г., он прошел, по словам официального биографа, "через все страдания немца, жившего за границей".⁴⁵ Розенберг, однако, ни в детстве, ни в отрочестве не испытал унижений и несчастий - ни в личной, ни в иной жизни. Он происходил из семьи, принадлежавшей к низшим классам и неясных расовых корней, что не имело значения для кого бы то ни было, кроме разве что философа-расиста.⁴⁶ Розенберг посещал местную

гимназию, а затем техникум в Риге. Наибольшее культурное и политическое воздействие оказали на него Ницше и Хьюстон Стюарт Чемберлен, это был обычный круг чтения молодого немца, принадлежавшего к среднему классу в то время. Прибалтийские немцы, как "германцы в расовом отношении", были более политизированы - иными словами, склонялись вправо, как и австрийцы.

Однако молодой Розенберг, который посетил Германию и Францию еще до первой мировой войны, по-настоящему не думал о политике как о своем призвании. Его главные интересы лежали в области культуры. Он хотел стать архитектором и художником. Когда Рижский университет во время войны переехал в Москву, он также поселился в древней столице России. Ничто не показывает, что он был как-то заинтересован в итогах войны. В последующие годы, когда он стал видной фигурой на политической сцене в Германии и оказался в первых рядах воинствующей партии, его послужной список периода первой мировой войны - точнее, отсутствие такового - сделало его удобной мишенью для атак со стороны политических противников.⁴⁷

Когда в Москве вспыхнула революция 1917 г., Розенберг готовил дипломный проект, довольно подходящий к случаю: современный крематорий с романскими нишами, огромной колоннадой и прилегающим к нему кладбищем. Он вряд ли сознавал, какие события происходят вокруг. В своих мемуарах он вспоминает: "Если бы я попытался дать здесь описание событий [русской революции] и вовлеченных в них сил, я не избежал бы риска включить сюда сведения, которые я получил значительно позднее, из мемуаров русских и англичан" (имеются в виду воспоминания Бьюкенана, его дочери и сэра Сэмюэля Гора).⁴⁸

Розенберг уехал из Москвы в Крым, откуда вернулся в Ревель, затем поехал опять в Москву на выпускные экзамены, а оттуда - вновь в Ревель, который через несколько дней был оккупирован германскими войсками. Розенберг полагал, что объединенные силы русских генералов быстро справятся с

неорганизованным большевистским режимом. "Но им не хватало вождя и лозунга на будущее. Никто не хотел воевать за возвращение тех, кто был разбит".⁴⁹ Розенберг хотел вступить добровольцем в германскую армию, но был отвергнут как российский гражданин - житель оккупированной территории, а также вследствие невозможности представить какие-либо рекомендации из Германии. Не без труда удалось ему получить разрешение уйти в Германию с отступающей немецкой армией в ноябре 1918 г.

Розенберг прибыл в Германию среди огромного числа русских эмигрантов. Впрочем, это было своего рода возвращение домой. Немецкий язык был для него родным, а Германия - второй родиной. Германскую революцию он переживал в каком-то смысле тяжелее, чем русскую: "Я не хотел вести мою жизнь в будущем между линиями фронта... Я хотел переехать в Рейх". В 1918 г. произошло политическое пробуждение Розенберга. В 1919-1920 гг. он заложил основы своей новой политической философии. К 1923 г. он уже опубликовал семь книг и брошюр, а также бесчисленные статьи. Он продвигался быстро по всем показателям.

Согласно официальной биографии, Розенберг прибыл в Германию в 1918 г., чтобы просветить немцев относительно русской революции и коммунизма. Но сначала он должен был просветить самого себя. Он знал, что происходящее в России ему не нравится, но затруднился бы объяснить почему. Политическое воспитание Розенберга достаточной точностью можно проследить по его дневнику, часть которого была опубликована в последние годы третьего рейха.

Во время революции 1917 г. его занимали Шопенгауэр, Вагнер, искусство Возрождения и индийская философия. Он подробно развивает мысли о "нирване и личности" и пишет черновик книги по "философии германского искусства" (который, вероятно, лег в основу "Мифа XX века"). Вокруг него умирал старый мир и рождался новый, но молодой архитектор из Ревеля, казалось, не реагирует серьезно на те или иные события. Правда, там есть недобрительные замечания о евреях

("Эти люди ненавидят все, что непохоже на них самих, поэтому и по отношению к ним не может быть никакой терпимости"), а также о русских ("Меня заинтересовало сравнить русского и немца, - пишет Розенберг, - и я нашел, что русские морально слабы, и у них не хватает характера").⁵⁰ Но это были обычные предрассудки прибалтов, которые задолго до того нашли классическое выражение в книге земляка Розенберга Виктора Хена "Онравах русских": русские лживы, ленивы, неспособны к длительным усилиям, они одарены художественно, но неустойчивы морально.

К февральской революции 1917 г. Розенберг отнесся с осторожным энтузиазмом, однажды он даже назвал ее событием неслыханного величия.⁵¹ Он отметил сознательное и серьезное отношение к революции во всех слоях населения. Через 15 месяцев Розенберг становится фанатичным антисемитом и ярким антисоциалистом. Политика вдруг вытесняет искусство в его мыслях. Он продолжает писать очерки о "личности", но разрабатывал лишь идею "эксплуатации и разрушения" - еврейскую идею. Он обвиняет евреев в попытках вызвать хаос в обществе гладкими разговорами о правах человека. Почти все левые социалисты - евреи: "В путешествиях по России, в местах отдыха и повсюду, я видел студентов-евреев с "Правдой" в руках, проповедующих в военных госпиталях". По Розенбергу, за всеми попытками социального и политического разрушения всегда скрывались евреи.⁵²

Все это не было оригинально - даже некоторые главные термины, такие, как "хаос в народе", были заимствованы у Х. С. Чемберлена. Кое-что взято из плохо переваренного Ницше: например, ссылки на глупость невежественной массы, кое-что было типичным романтическим отталкиванием от индустриальной эпохи. Он писал о бессмысленности деятельности промышленного рабочего, противопоставляя ей работу крестьянина, которая чиста и полна смысла. Книга "Чума в России" открывается цитатой из Гете, в которой веймарский старец выражал свой страх перед грядущим господством машин: "Оно накатывается, как ненастье...". Эта цитата, выражающая реакцию "души художника" на "бездушный век

машин", впервые появилась в неопубликованном очерке "Еврей", написанном в июле 1918 г. в Москве или Ревеле, где уже содержится большая часть идей Розенберга о еврействе и большевизме, на которых основаны его более поздние книги.

Внезапное обращение Розенберга в 1918 г., его трансформация из слегка эксцентричного и не слишком оригинального художественного критика и философа в политического мыслителя в перспективе времени представляется загадочным. Для тех, кто не пережил это грозное время, нелегко представить себе, какие страсти пробуждаются во время революции. Столь же трудно понять психологию тех, кто уверен, что им удалось раскрыть тайные силы за видимостью событий. В течение всей истории наблюдается склонность искать тайные силы за событиями, когда их внезапность или тяжесть превосходят способность понимания тех, кто оказывается их свидетелем. Такие примеры дает и французская революция, и русская. Тщательные исследования их политической, социальной и экономической предыстории, развития идеологии в течение десятилетий, предшествовавших революции, анализ политических сил, в нее вовлеченных, редко дают ясный и удовлетворительный ответ, тогда как теория заговора, если ей неукоснительно следовать, удовлетворяет многих современников, у которых не хватает ни терпения, ни умственных способностей для более серьезных исследований.

Художнику Розенбергу такой (и любой) социально-политический анализ был противопоказан с самого начала. Он не интересовался экономикой и ничего не знал об истории революционного движения в России, о социализме, марксизме и других левых доктринах. Что он знал, хотя и не слишком твердо, из чтения Х.С. Чемберлена и памфлетов черной сотни, что евреи - зло, что они ответственны за большинство несчастий мира. Черная сотня разработала концепцию жидо-масонства (жудейско-масонского заговора), объединив различные сомнительные идеи в лозунг, пригодный на все случаи жизни.²³ Вследствие своего национального происхождения и культурного фона Розенберг мог связать эти идеи с германской

расовой доктриной. Обретя ключ к пониманию революции, он потерял интерес к дальнейшему описанию или анализу того, что плохого в революционной России, социализме или коммунизме. Ему достаточно было сообщить, что настоящая фамилия Троцкого - Бронштейн, Стеклова - Нахамкис, Каменева - Розенфельд, что Керенский - на самом деле Кирбис (sic!), и что однажды евреи (согласно Момзену) убили в один день на Кипре 120 тыс. человек. На такой основе невозможно было разобраться в таком явлении, как русская революция, но к этому Розенберг и не стремился. Много лет позднее он писал: "Невозможно начать большую войну в мировой истории и рассчитывать на прочный успех, если воспринимать идеологию и мировоззрение противника как основу для ведения битвы".

Лишь очень немногие из многочисленных писаний Розенберга о России на самом деле посвящены этой теме. Он чрезмерно занят цитированием Талмуда, сионистским движением или влиянием франкмасонов на "Франкфуртер цайтунг". Розенберг провел многие часы в Мюнхенской государственной библиотеке, чтобы найти подходящую цитату из "Шульхан арух" (кодекс еврейского закона, этики и ритуала [1555 г.], написанный Иосифом бен-Эфраимом Каро. - Примечание переводчика) или "снять маску" с еще одного еврея в истории Франции или Англии XIX века, который принял нееврейское имя. Насколько нам известно, эксперт национал-социализма по России не читал ни одной работы Маркса или Энгельса. (Единственной работой Ленина, цитированной им, является "Государство и революция".) Единственным источником сведений о России были эмигрантские газеты крайне правого направления, такие как "Новое время", "Двуглавый орел" или "Призыв", которые он широко использует в собственных работах.

Конечно, о дореволюционной России он знал больше, чем вожди нацизма. Он изучал русский язык в школе и знал его очень хорошо. Он был неплохо начитан в русской классической литературе и в своих ранних работах нередко цитирует Достоевского и, в меньшем количестве, - Толстого. В одной из ранних книг он перечислил основные произведения русской

литературы и отметил, что только прочтя их и изучив русские иконы и народные песни, человек извне может проникнуть в русскую душу.³⁴ Отнюдь не очевидно, что сам Розенберг читал эти книги: они явно ничего ему не говорили, в противном случае они бы оказали более сильное воздействие на его взгляды на Россию. В ранние годы он еще испытывал какие-то колебания, например, приводя выгодные для русского православия сравнения с католицизмом или масонством. Однако впоследствии его позиция ужесточилась: он весьма мало пишет о культурных достижениях России, но нередко обрушивается на русскую бесформенность, недостаточную способность к творчеству, деспотизм и прислужничество. В "Мифе XX века" он расценивает как ошибку России попытки европеизироваться. Будущая Россия должна искать свои корни в Азии, только тогда она обретет внутреннее равновесие. В Азии у нее есть миссия, достойная выполнения, но не в Европе.³⁵

Розенберг и Дитрих Экарт

Когда Розенберг в январе 1919 г. прибыл в Мюнхен, он обратился за помощью к комитету русских эмигрантов, который обеспечивал жильем и талонами на питание. Большую часть времени он проводил в государственной библиотеке, читая литературу по еврейской истории, истории иезуитов, масонского ордена и т.п. Через приятельницу из прибалтийских беженцев г-жу фон Шренк он познакомился с Дитрихом Экартом, немецким писателем и драматургом, который собирался начать публикацию журнала, посвященного антисемитской и антикоммунистической пропаганде. У Розенберга есть описание его первой встречи с этим святым отцом национал-социализма, который принял его в качестве "товарища по борьбе с Иерусалимом".³⁶

Ныне Экарта, своего рода поэта, вспоминают в основном в связи с его переводом на немецкий язык "Пер Гюнта". Человек грузного сложения, чем-то похожий на другого вождя раннего нацизма Юлиуса Штрейхера, он был искренним антимарксистом и антисемитом, тяжелым пьяницей, и время от времени проходил курс лечения в закрытом заведении. Человек богемы,

Экарт не разделял фанатизм Розенберга, его смертельную серьезность и безнадежное отсутствие чувства юмора. Розенберг писал об Экарте, что "после дней, полных энергии, наступали провалы, когда он уходил в себя, попросту отказываясь придавать какое-либо значение происходящему вокруг... Поскольку Экарт оказался неспособным к постоянной работе, я с самого начала взял на себя всю рутинную работу и освободил его от большей части обязанностей" (как редактора "Фолькишер беобахтер").³⁷ С марта 1923 г. газета стала ежедневной, и Розенберг стал ее редактором. По его версии, Экарт вообще перестал появляться в редакции, и Гитлер сказал ему (Розенбергу), что раз уж он все равно делает всю работу, пусть он за нее и отвечает. Розенберг получил германское гражданство и решил, что он может отбросить осторожность, удерживавшую его вдалеке от авансцены германской внутренней политики. Говорили, что Экарт плохо принял известие о назначении: сам Розенберг сообщил, что его бывший наставник обвинил его в неблагодарности и "некая неприязнь осталась между ними".³⁸ Первая опубликованная статья Розенберга была посвящена "еврейскому большевизму", первая публикация в "Фолькишер беобахтер" - сионизму, далее последовала серия о масонстве. Это были центральные темы его писаний в начале 20-х годов. Не совсем ясно, почему сюда примешался сионизм: несколькими годами ранее Розенберг высказывался в пользу еврейского государства.³⁹ Он стал антисионистом, возможно, потому что пришел к убеждению: еврейское национальное движение - лишь прикрытые еврейских планов мирового господства. "Вейцманы, Ротшильды, Варбурги, Шиффы открыто угрожают нам мировой революцией, большевизмом, если они не получают Палестины". Один из его главных тезисов состоял в том, что большевизм - не цель сама по себе, а лишь средство, используемое еврейским финансовым капиталом, чтобы подорвать существующий порядок, разрушить национальные хозяйства, деморализовать народы, а затем получить все, что останется.⁴⁰

Немногие современники Розенберга в Германии разделяли его позиции. Даже крайне правые склонялись к примирению с большевистской Россией. Розенберг считал

одной из своих главных задач убедить сограждан "оставаться твердыми против искушений с Востока". Особенно печалили его успехи Радека, завоевавшего поддержку немецких националистических газет.⁶¹ Розенберг всячески сопротивлялся кампании помощи миллионам голодающих русских: германские рабочие отказывают себе в пище, полагая, что они помогают своим товарищам в России, но большая часть этих денег тратится в роскошных ресторанах Берлина и Стокгольма.⁶² Он снова возвращается в мыслях к тому, что следовало сделать в 1918 г.: наступающая германская армия должна была захватить Москву, условия Брестского мира, по Розенбергу, были недостаточными.⁶³

Большую часть этих материалов Розенберг черпал в крайне правой эмигрантской русской печати, которую он регулярно просматривал в поисках дружелюбных комментариев о молодонацистском движении. Ему явно понравилось замечание одной из таких газет о "социалистической традиции, идущей от Петра I к Гитлеру". По поводу другой русскоязычной газеты он одобрительно заметил, что она на первой странице печатает свастику, в третьей он выловил заметку, в которой выражалась надежда, что когда-нибудь в России тоже сможет зародиться гитлеровское движение.⁶⁴ В течение всех этих лет была сделана лишь одна скромная попытка обсуждения коммунистической идеологии: Розенберг попытался пространно прокомментировать ошибочность марксизма. Но и здесь искушение показать "еврейский характер" марксизма пересилило рациональную дискуссию.⁶⁵

Между 1920 и 1923 гг. Розенберг написал и опубликовал не менее семи книг и одну перевел, а статьи шли непрекращающимся потоком. Некоторые книжки были тонкими, все они перепевали друг друга, но в результате он стал почти сразу же главным идеологом и пропагандистом нацистской партии. Если не считать желчных усилий Дитриха Экарта и экономического трактата Федерера, писания Розенберга были тогда единственным идеологическим и пропагандистским материалом партии. "Майн кампф" была опубликована намного позднее, Геббельс еще даже не был членом партии. Нетрудно

вообразить, какое влияние на партию в ее ранние годы, годы формирования, оказали эти длинные памфлеты. Кроме того, Розенберг-памфлетист был более читабельным, чем Розенберг-философ. "Миф XX века" широко продавался, но вряд ли эту книгу прочел хоть кто-либо из руководителей третьего рейха, не исключая Гитлера.

На первый взгляд эти длинные памфлеты создают впечатление огромной эрудиции. Говоря об аморальности Талмуда, Розенберг цитирует талмудические трактаты "Баба меция" и "Баба камма", как если бы он был раввином и сыном раввина. В описаниях преступлений масонства нередко цитируются такие источники как италоязычный "Обзор италийского масонства" (1881 г.) или парижский "Глоб" от 25 ноября 1830 г. В других местах цитируются такие источники, как "История торговли в Лионе" Беле (франц., 1838 г.), "История Наварры" Андре Фовена (франц., 1612 г.), латинская "Аналекта эклезиастика" и англоязычная "Масонская хроника Чикаго" (единственная книга, в которой ученые отсылки подозрительно отсутствуют, - это его "Чума в России"). Разумеется, Розенберг не читал всех этих книг в Мюнхенской библиотеке. Он был постоянно спешащим человеком, и поскольку каждая тема, которой он касался (например, Талмуд), потребовала бы целой жизни для изучения, он полагался на десяток стандартных работ в каждой области. Талмуд он не изучал - он не знал ни слова ни на иврите, ни на идиш: цитаты он брал из антисемитских книг Ролинга и Эйзенменгера, уже давно широко ходивших.⁶⁶ Не заглядывал он и в многотомный "Израэлитский архив" - он находил источники в книжке Гугено де Муссо. Он был просто пропагандистом, собиравшим цитаты и ссылки, склеивавшим их вместе и подававшим их в актуализированной упаковке. По-видимому, на такую литературу был спрос: в стране с традиционной слабостью к подстрочным примечаниям такая псевдоученость создавала впечатление оригинального исследования не только среди необразованных людей, но и среди тех многочисленных групп, которых в Германии нередко называют образованным средним классом. Большое число псевдоученых ссылок типично для сторонников теории заговора в истории. В этом отношении Розенберг не отличается

от Несты Вебстерс, Шварц-Бостунича и многих других до него и после. В конце концов, у них всегда не хватало строительного материала: чем невероятнее были их построения, тем больше цитат нужно было привлечь.

До 1923 г. Розенберг воздерживался от активного участия в германской политической жизни. В его писаниях, однако, эта сдержанность не проявлялась. Несколько странно перечитывать сейчас постоянно повторяющиеся тирады против чужаков из России, которые наводнили после первой мировой войны Германию и желают захватить господство над германской политикой. Розенберг предпочел забыть, что он тоже беженец из России. Его взгляды на Россию сконцентрировались в книге "Чума в России", опубликованной с приложением 75 фотографий в 1922 г. Ее главный тезис состоит в том, что столкновение между коммунизмом и капитализмом - не более чем трюк для легковверных. Троцкий знает, что капитализм - не истинный его враг, самое большее - конкурент. Подлинный смысл русской революции в том, что она является попыткой ближневосточного расового уголовного подполья овладеть Европой. В этом смысле это можно сравнить с походами мусульман, татар, гуннов и других завоевателей древних времен и средних веков. В демонологии Розенберга евреи занимают наиболее видное место - им помогают армяне, китайцы, латыши (к которым у Розенберга была, похоже, личная антипатия) и даже тунгусы.

До этого пункта Розенберг соглашается со своими друзьями из крайне правого крыла русской эмиграции, которые также считали, что русская революция - дело рук иностранцев и инородцев. Но он идет дальше, чем они, указывая на то, что - как он полагает - является роковой слабостью русского характера: немощь, невежество, склонность к анархии и хаосу в каждом русском, а также глупость и наглость полуинтеллигенции. Все это Розенберг объясняет расовым смешением русских под татарским иггом, "роковым смешением крови": азиатский и европейский характеры находятся в постоянном конфликте, результат которого невозможно предсказать. В итоге, Россия еще меньше, чем Германия

способна противостоять отраве.

Такие идеи о расовой неполноценности русских и славян вообще не были, строго говоря, новыми: они были широко распространены среди русских немцев задолго до революции. Не были они совершенно неизвестными и в Германии, хотя здесь в правом лагере существовала традиция русофильства, а после первой мировой войны возникли различные течения национал-большевизма. Розенберг считал одной из главных своих задач очищение национал-социализма от подобных уклонов, и именно благодаря ему нацистская политика с самого начала отбросила идею как идеологической конфронтации, так и политического компромисса.

Такая позиция постепенно все более затрудняла его сотрудничество с русской эмиграцией. Русских, какими бы правыми они ни были, не радовало, когда им сообщали, что они расово неполноценны. Не были они довольны и развиваемыми Розенбергом идеями о разделе будущей России в соответствии с национальными образованиями. До 1923 г., пока существовало "Возрождение", сотрудничество продолжалось: был, в конце концов, главный интерес - борьба с советским режимом. Но после гитлеровского путча положение быстро переменялось. Теперь Советы твердо держались в седле. Розенберг уже был глубоко вовлечен в германскую политику. Пока Гитлер сидел в тюрьме, он должен был руководить нацистским движением. Он сохранил немногих друзей-эмигрантов, которые работали с ним во "Всемирной борьбе" - антисемитской информационной службе, но большинство их были русскими немцами и украинцами или принадлежали к другим меньшинствам. С великороссами у Розенберга контакты были утрачены. С большинством из них он расходился по программным вопросам: они считали его программу скорее антирусской, нежели антибольшевистской. Кроме того, он во многом потерял интерес к России после превращения Розенберга - философа истории и критика культуры в Розенберга-памфлетиста. Теперь он работал над главной своей книгой "Миф XX века".

В целом Розенберг был подлинно верующим. В отличие

от Геббельса, он не был циником - он действительно верил собственной пропаганде. Он свел поистине сложное явление, каким была русская революция, к простому ложному тезису, который с самого начала помешал ему понять, о чем, собственно, идет речь. Внутренне присущее ему (и, вероятно, - полное) отсутствие чувства юмора помешало ему понять, сколь гротескными были его собственные исторические и политические конструкции на самом деле.

Гитлер вскоре осознал, что Розенберг - самое большое тугодум и скучный идеолог, ценность которого для партии сомнительна. Этим объясняется постепенный закат карьеры Розенберга после 1930 г. Однако в ретроспективе это не снижает его значения как ведущего авторитета по России и коммунизму в ранние годы становления нацистского движения.

СИОНСКИЕ МУДРЕЦЫ

Черная сотня

Гитлер и Розенберг не нуждались в русских крайних правых для формирования политической идеологии национал-социализма. Они не нуждались и в их советах по еврейскому вопросу, хотя из этих кругов они получили кое-какие свежие идеи. Но в одной специфической области Розенберг считал правых крайних совершенно незаменимыми в оценке русской революции и большевизма в целом. Он изучал их литературу, регулярно читал их журналы и газеты, встречался в эмиграции со многими их руководителями. Его работы о России были по существу германской версией черносотенской доктрины русской революции, ее причин и последствий. Он внес в нее некоторые добавления и нововведения, но в те ранние годы они не имели большого значения - это значение они обрели лишь позднее. Через Розенберга и его друзей национал-социализм воспринял концепцию большевизма, созданную не в Германии, а в самой России, что придает делу оттенок ироники, причем доктрина эта сложилась еще до революции, а также в ходе гражданской войны.

Что такое "черная сотня"? Союз русского народа был основан в 1905 г. петербургским профессором А. Дубровиным и какое-то время был силой, с которой еще предстояло научиться считаться. Жорж Луи, одно время бывший послом Франции в России, в стольпинские годы писал, что «"черная сотня" (это была военная организация при Союзе) правит Россией и правительство подчиняется ей, ибо знает, что император склонен ей симпатизировать». И сторонники, и критики впоследствии назвали Союз протофашистским движением. Американский историк писал, что в каком-то смысле его можно рассматривать как "предтечу современного фашизма"⁸⁷, а один из наиболее влиятельных предводителей движения многими годами позднее отметил, что "по духу это русское народное движение было почти тождественно с нынешним национал-социализмом".⁸⁸ Важно более глубоко изучить историческую роль Союза русского народа как связующего звена между традиционным экстремизмом и правым экстремизмом XX века.

Союз, как и его предшественники - Русское собрание 1901 г. и Союз русских людей марта 1905 г., - был основан для защиты режима от революционных сил. Правые монархисты имели свои традиционные организации, такие как Совет соединенного дворянства, но это были лишь политические клубы, и членство в них было лимитировано. Нужна была массовая политическая партия, и именно для этой цели Дубровин основал свое движение в Петербурге в 1905 г. В программе Союза трудно найти хотя бы одну идею, которая не была бы сформулирована еще при Николае I, за сто лет до этого: Союз стоял за общее благо отчизны и "твердо защищал" старинную триаду - православие, самодержавие, народность.⁸⁹ Единственной уступкой более позднему политическому мышлению было согласие некоторых вождей Союза на некую форму консультативной ассамблеи - Совещательного земского собора, который давал бы советы царю с тем, чтобы царь ни в коем случае не был бы обязан принимать эти советы. Как гласил старый славянофильский принцип, у царя свобода действия, у народа - свобода мнений. Было, однако, весьма трудно ожидать, что такая программа может привлечь большое число людей в

столь критическое время. Поэтому Союз пытался обрести недостававшую программе привлекательность в глазах масс посредством социальной демагогии, травли интеллигенции и инородцев, и особенно - антиеврейской кампании. Союз вступил в жизнь, когда уже было крайне трудно сформировать и сохранить от распада массовое движение, основываясь лишь на символах веры XIX века - какие-то новые, "современные" элементы были необходимы, чтобы совершить переход от старой консервативной к новой тоталитарной правое.

Ни один представитель Союза не был избран в первую Думу, но во вторую и третью Думы все-таки вошли несколько его членов. Разумеется, идея парламентаризма была чужда Союзу: он отвергал эту уступку царя общественному мнению и выразил удовлетворение, когда Дума была распущена декретом царя. Часть членов Союза вообще противилась участию в парламентских играх, но некоторые, подобно Пуришкевичу и Маркову II, полагали, что выборы и речи в Думе все-таки дают удобную и эффективную трибуну, с которой можно высказывать свои взгляды и завоевывать новых сторонников.

Владимир Пуришкевич - русский фашист?

Движущей силой Союза русского народа и "черной сотни" был Владимир Митрофанович Пуришкевич - бессарабский помещик, бывший государственный чиновник. Он был единственным выдающимся руководителем крайних правых, и потому впоследствии был назван первым русским фашистом.⁷⁰ В течение многих лет он являлся наиболее красноречивым защитником привилегий монархии и аристократии, хотя по происхождению не имел к ней никакого отношения: дед Пуришкевича был сельским священником. В кишиневской гимназии Пуришкевич написал работу об олигархических восстаниях в древней Греции. Возможно, это было первым проявлением его политических взглядов в будущем. После службы в должности местного государственного чиновника он в возрасте 30 лет перебирается в 1900 г. в столицу, где поступил на работу в Министерство внутренних дел и вскоре стал помощником по особым поручениям у Плеве - в то время

"сильного человека" в российской политике.

Человек буйного нрава, Пуришкевич обладал умением создавать вокруг себя переполох и вызывать смятение. Почти не было такого заседания Думы, которого он не прервал бы громогласными выкриками или истерическими выходками. При его появлении на публике тоже вполне можно было ожидать суматохи, будь это в театре (где он, например, громко протестовал против "Саломеи" Оскара Уайльда) или просто в ресторане. У него был также талант оскорблять людей (и не только из левого лагеря), и он чувствовал себя несчастным, прожив хоть неделю без крупного скандала. Но за всем этим чувствовалась некая система. Пуришкевич стремится дискредитировать Думу, будучи принципиальным противником парламентаризма. Подобно Геббельсу, он пытался взломать систему изнутри (также подобно Геббельсу, он писал стихи и романы).

Как отметил позднее один из его противников, Пуришкевич был более динамичен и целеустремлен, чем тогдашний средний российский политик. У него был талант организатора (еще один дар, весьма редкий для того времени и окружения). Но в чем он был гением - это в добывании денег из различных подозрительных официальных и полуофициальных источников, таких как фонды тайной полиции и секретные фонды различных министерств. В 1905-1917 гг. через его руки прошли миллионы рублей. Один из его политических противников отметил: "Многие правые брали взятки, но Пуришкевич был единственным, кто поставлял нужный товар". Он был в своем роде единственным, кто понимал дух времени: он осознал, что консерваторы и реакционеры старой школы безнадежно отстали и не в состоянии справиться с новой и опасной политической ситуацией. Например, он пытался (не без успеха) проникнуть в высшие учебные заведения, бывшие оплотом левых революционных сил, в частности, в Петербургский университет.

Борьба шла острая, и Пуришкевич, обладавший хорошим чутьем, вынужден был сознавать, что глупость правящих кругов

делает его борьбу безнадежной. Он предчувствовал надвигающуюся катастрофу. Когда он вернулся с фронта в ноябре 1916 г., его речь в Думе, впервые за всю его политическую карьеру, была встречена громовыми аплодисментами со всех скамей, кроме его собственных друзей по крайней правой. Он пришел к убеждению, что Россию можно спасти только отчаянными действиями. Он присоединился к заговору для убийства Распутина, и именно выстрелы Пуришкевича оказались смертельными, после того как попытка отравления не удалась.⁷¹

Пуришкевич никогда не был высокого мнения о своих коллегах по крайней правой. Еще перед войной он поссорился с большинством из них и создал собственную организацию - Союз Михаила архангела. В 1914 г. он нажил себе врагов антигерманскими выходками: некоторые вожди крайней правой были немецкого происхождения или, как Марков II, придерживались прогерманской ориентации. Марков, в течение многих лет товарищ Пуришкевича по Думе, как говорили, был внешне очень похож на Петра I. Вероятно, он был лучшим оратором, чем Пуришкевич, но уступал ему по уму и обаянию, необходимому политическому лидеру.

Во время революции Пуришкевич пытался сплотить старых друзей и организовать контрреволюцию, но попытка оказалась неуспешной, и он очутился в Петропавловской крепости, где вел себя с достоинством и проводил время за писанием стихов ("Песни загубленной души"). Он был освобожден (или удачно сбежал) и пробрался на юг, к белой армии. Пуришкевич умер в 1920 г. Его политическая деятельность в последние годы жизни будет здесь рассмотрена в другом контексте.

Своей лихорадочной активностью и выпендренностью Пуришкевич несколько напоминал Муссолини и молодого Геринга, но в отличие от фашистов Южной и Центральной Европы в последующие годы он практически не нашел для себя подходящей среды. Он не сумел также во-время понять, что монархия, церковь и правящие классы слишком ском-

прометировали себя, и для успеха фашистского движения оно должно развиваться независимо от них, а то и в оппозиции к ним.

Программа "черной сотни"

У Союза русского народа не было систематизированной доктрины или программы. Идеологически русская крайняя правая была еще слабее, чем подобные движения в других частях Европы. Но само существование Союза вынуждало его предъявлять такие требования, которые традиционные консерваторы предавали анафеме: ограничение рабочего дня, повышение жизненного уровня крестьян, удешевление кредита для них и даже что-то вроде аграрной реформы. Союз старался изо всех сил создать себе опору в деревне и раздавал всяческие обещания в надежде, что никто не потребует их выполнения.⁷²

Согласно пропаганде Союза, евреи - источник всех зол на святой Руси. Все евреи - революционеры, и все революционеры - евреи. Они жаждут власти, чтобы безжалостно эксплуатировать рабочих и крестьян, и если рабочий и крестьянин не будут противостоять им вместе со своими правящими классами, то и правящие классы не смогут помочь им, ибо будет установлена власть еврейской революционно-капиталистической клики. Тезис о совпадении интересов еврейских революционеров и еврейских капиталистов, и обвинение первых в том, что они действуют в качестве агентов вторых, стал одним из главных в нацистской пропаганде. Другие пропагандистские тезисы Союза - отождествление революции с мировым еврейством и жидомасонством - были восприняты нацистами в более поздние годы. Эти тезисы сыграли важную роль в пропаганде крайних правых в Германии, во Франции и даже в Англии в начале 20-х годов.⁷³

Что касается "окончательного решения еврейского вопроса", то Пуришкевич предлагал переселить евреев в районы Колымы и к Заполярному кругу, тогда как Марков II считал, что все евреи "до последнего" должны быть перебиты в

предстоящих погромах.⁷⁴ Союз внес свою лепту в воплощение этой идеи в жизнь, организуя жестокие погромы и убийства политических противников - депутатов Думы и журналистов Герценштейна, Караваева, Иоллоса и других. Союз играл важную роль в деле Бейлиса и в других подобных делах. Открытая поддержка, оказанная ему правительством, стала для него как источником силы, так и источником слабости. Император благодарил черносотенцев за "верноподданническую деятельность", и царица открыто поддержала их. Есть предположения, что за один лишь год правительство выплатило Союзу два с половиной миллиона рублей. Марков II признался на следствии, что получал значительные суммы для прессы Союза. Союз имел возможность обращаться с просьбами о помиловании своих членов, арестованных за участие в погромах и тому подобных преступлениях.

Союз никогда не был собранием высоких идеалистов. Анализ его социальной структуры показывает, что члены Союза рекрутировались в основном из отребья крупных городов. Его руководство представляло собой любопытную смесь аристократов, священников, торговцев и мелкой буржуазии.

Среди лидеров Русского собрания, предшественника Союза, были генералы (Мордвинов, Золотарев), журналисты (И. Энгельгардт из "Нового времени"), актеры (например, Варламов) и отдельные представители аристократии (Голицын, Волконский и председатель организации граф Шаховской). Другой предшественник Союза русского народа - Союз русских людей - гордился такими представителями своего руководства, как историк Иловайский, архиепископ Анастасий, князь Голицын, Урусов, Мещерский (редактор "Гражданина"), Шереметьев и Гагарин. В Союзе состояли и аристократы (например, князь Щербатов), и некоторые представители интеллигенции, например, А. А. Майков, сын известного поэта, и руководитель Союза профессор Дубровин.⁷⁵

Открытая финансовая поддержка со стороны государства и церкви позволяла Союзу нанимать для выполнения

своих заданий уголовников. Бывший глава правительства граф Витте в своих воспоминаниях называет Союз "сборищем обыкновенных воров и хулиганов": «цели "черной сотни" эгоистичны и обычно самого дурного свойства. Их вдохновение диктуют желудок и карман. Это типичные убийцы с большой дороги»⁷⁶. Об их вождях Витте пишет: "Приличный человек не подаст им руки и избегает их общества". С другой стороны, нацистский автор с сожалением отмечал, что "черная сотня" стала пугалом для русского общества и осталась им: "Явным признаком невежества и незрелости русской интеллигенции, ее слабостью оказалось то, что она считает антисемитизм худшей чертой человеческого характера"⁷⁷. Источником слабости Союза была и его тесная близость с церковью. В программе движения все время мелькают ссылки на православие и в руководстве Союза было много церковников, например, Антоний, епископ Волынский, Гермоген Саратовский, И.И. Восторгов, Скворцов - издатель "Колокола" и миссионер. Вероятно, наиболее известным из них в то время был монах Илиодор (Сергей Труфанов) - возможно, самый успешный демагог тех лет, работавший и устно, и через "Почаевский листок", публиковавшийся Почаевской Лаврой.⁷⁸ Однако не все церковники были реакционерами - в православной церкви того времени были либералы и даже социалисты. Дубровин обвинял петербургского митрополита в "революционных наклонностях" за отказ присутствовать на церемониях Союза русского народа.⁷⁹ Некоторые епископы и кое-кто из низшего духовенства получали выговоры, и были случаи даже временного отстранения от должности за слишком близкие связи с Союзом. Так, Илиодор был призван к порядку в 1907 г. за открытый призыв к погромам. Однако гораздо чаще священников и прихожан настоятельно призывали участвовать в деятельности "черной сотни": "Их знаки и флаги держат в церквях, так чтобы каждому было ясно, что святая православная церковь полностью одобряет и благословляет высоко патриотическое священное дело Союза русского народа и берет его работу под свою молитвенную защиту".⁸⁰

Время от времени Союз демонстрировал свою независимость: его руководство советовало царю "быть ближе к

народу" (еще одна нотка старого славянофильства), а бюрократия - помогать тесным связям между монархом и народом. Нападки на бюрократию всегда были популярны, и время от времени члены Союза открыто критиковали губернаторов, министров и даже обер-прокурора Святейшего синода графа Толстого.⁶¹ Большинство массовых движений того времени, вдохновлявшихся правительством, проявляли тенденцию отколоться и стать до какой-то степени независимыми (гапоновщина, зубатовщина). Союз был, в общем, весьма верноподданическим, что его и погубило.

Союз намеревался служить "ярким примером справедливости и порядка для всех" (Николай II). На самом деле он стал средоточием обскурантов из всех классов общества с уголовным подпольем и люмпенами. Вершиной активности Союза были выступления его руководителей в Думе. Он распространял также ряд газет и периодических изданий, которые практически не имели широкого хождения. В период пика своей деятельности (1905-1910 гг.) Союз организовывал время от времени митинги и погромы, но к постоянной политической и пропагандистской работе он оказался неспособным (что отметил уже цитированный нацистский источник)⁶². За исключением Пуришкевича, вожди Союза, да же по скромным меркам того времени, были публикой второго сорта. В распоряжении Союза имелись новые пропагандистские материалы, в частности "Протоколы сионских мудрецов", впервые опубликованные одним из его членов.⁶³ Но даже "Протоколы", привлечшие позднее столько внимания, тогда прошли почти незамеченными. Трудность, с которой столкнулся Союз, была того же рода, что и трудности, стоявшие перед крайней правой в Германии и во Франции на переломе века: необходим был переход от старомодной традиционной правой идеологии к более прямолинейной социальной демагогии, уже без религиозного духа, а расистской, популистской и тоталитарной. Горько разочарованные беспомощностью монархии, эти движения перестали сотрудничать со старыми консервативными силами и постепенно пришли к вере в фюрера. Христианско-социалистическое движение Штокера в Германии в 90-е годы XIX

века потерпело поражение по причинам, сходным с причинами неудач Союза русского народа. Немецкое движение тоже выработало элементы социальной и национальной демагогии, необходимые для создания движения нового типа, но его руководство в целом было лояльно в отношении императора и церкви, и эта лояльность сделала его неспособным для обязательного в таких обстоятельствах коренного разрыва с прошлым.

Не следует также преуменьшать трудности, которые стояли на пути создания расистского движения в такой стране как Россия, где половину населения составляли нерусские. Для доктрины, которая с самого начала могла восстановить против себя половину населения, просто не было места. Для такой страны нужна была всеобъемлющая доктрина, а не миф об исключительности кого бы то ни было. Но "черной сотне" было весьма далеко до выработки универсальной доктрины. Примерно в 1908 г. Союз достиг зенита своей деятельности, и его популярность стала быстро падать. С точки зрения правительства, Союз не доказал своей эффективности в качестве опоры режима. Революционная опасность на какое-то время ослабела, и нужда в Союзе оказалась меньшей, чем прежде. Движение стало распадаться: Пуришкевич откололся и создал свою организацию - Союз Михаила архангела. Дубровин и Марков возглавляли соперничающие объединения, причем оба эти объединения сохраняли название Союз русского народа. Они доносили друг на друга полиции, обвиняя друг друга в недостаточном патриотизме и даже "юдофильстве" (это выяснилось впоследствии, когда после революции открыли царские архивы). Краткое оживление активности Союза произошло в 1916 г., когда правительство оказалось в крайне стесненных обстоятельствах. Чем дольше тянулась война, тем более очевидными становились бездарность и коррупция царского правительства, росло недовольство. В столь критической ситуации Союз получил официальное поощрение для расширения масштабов своей деятельности, однако он мало что мог сделать для преодоления массовых беспорядков. За несколько недель до Февральской революции Союз представил правительству свои предложения. В них не было

ничего выдающегося: те же рекомендации бороться с пораженцами и вообще взять линию на политику сильной руки.⁸⁴ После падения царского режима Союз был запрещен, многие его руководители были арестованы и отданы под следствие. Депутатов парламента от Союза - Пуришкевича и Маркова II - не тронули. Но в ноябре 1917 г. Пуришкевич испытал некоторые затруднения. Он был арестован с небольшой группой соратников-заговорщиков за попытку спасти старый режим. В группу входили несколько человек, которые в будущем приобрели заметное положение в правом крыле русской эмиграции в Германии и сыграли роль в сближении с национал-социализмом: полковник в отставке Ф.В.Финберг и гусарский капитан Н.О.Граф. В группу входил также герцог Лихтенбергский.⁸⁵ Большинство арестованных сумели бежать с территории, контролируемой большевиками, и присоединились к белым армиям, главным образом к Деникину на Юге.

Здесь бывшие вожди Союза возобновили свою деятельность. В 1919 г. Пуришкевич основал в Ростове Народно-государственную партию, которая пыталась установить связь между старым правым экстремизмом и новой более эффективной организацией, основанной на сходных принципах.⁸⁶ Востоков, еще один из "старых бойцов", организовал Братство Животворящего креста. Появились черносотенные издания прежнего стиля и газетки типа "В Москву". Генерал Деникин, которого вряд ли можно заподозрить в филосемитизме, назвал ее погромным листком.⁸⁷

Главной организацией правых экстремистов на территории, контролируемой Южной армией, был Союз русских национальных общин, который, согласно Деникину, был наиболее активной и широко распространившейся политической организацией в тылу Южной армии.⁸⁸ Другой значительной организацией было Русское собрание. Его возглавляли Замысловский, один из старых вождей "черной сотни", и полицейский генерал Комиссаров, позже ставший правой рукой Бискупского.⁸⁹ Политические программы этих групп более или менее совпадали с платформой Союза русско-

го народа, хотя в них были добавлены неопределенные пункты относительно кооперации, возможно - о корпоративном государстве; о поощрении отечественного и ограничениях для иностранного капитала. Пожелание создать "общины" на территории, удерживавшейся белыми армиями, и даже в эмиграции, не сопровождалось уточнением, какого характера будут общины. Как отметил генерал Деникин, эти крайние не утруждали себя поисками решения безмерно сложных и трудных проблем позитивного обновления страны и ее социальной структуры, а свели все к легкой формуле, понятной самым глупым: "бей жидов, спасай Россию".⁹⁰ Деникин сообщает, что эти группы пользовались большим влиянием и среди солдат, и среди офицеров, запутавшихся в происходящем вокруг.

Это смятение и реакцию на него объяснить нетрудно. Царский режим рухнул, и привычный мир этих людей в одночасье исчез. Но очень немногие желали видеть подлинные причины падения старой России: почти невероятную неспособность к правлению царя, большинства его министров и всего правящего класса, коррупцию, отсутствие моральных устоев, невежество и неприятие реформ. Это потребовало бы признания вины класса или касты, а то и личной вины - признания, на которое способны весьма немногие. Гораздо легче было найти менее радикальные и менее болезненные объяснения. В таких обстоятельствах прежняя пропаганда "черной сотни" находила благоприятную почву. До 1917 г. даже закоренелые правые ощущали неловкость относительно "Протоколов" и других составляющих черносотенской пропаганды, но после революции их внезапно увидели в новом свете.⁹¹ Разве не осуществились предостережения относительно евреев, масонов и иностранных агентов? Разве не факт, что за псевдонимами видных большевиков и руководителей других революционных партий скрывалось множество чуждых фамилий?

Евреи в России и в других странах Восточной Европы были объектом тяжелого угнетения, и было естественным, что они присоединились к революционным партиям, обещавшим

свалить режим, который принес им столько страданий, включая физическое уничтожение многих из них. В таких обстоятельствах неважно было, что процент евреев среди большевиков был ниже, чем в других революционных партиях. Такие тонкости не имели значения для молодых офицеров и белых агитаторов, которые сделали из "еврейского большевизма" главную тему пропаганды. Это видно уже из самых первых прокламаций колчаковской и денкинской армий.⁹² Вероятно, не удовлетворившись достаточно большим числом евреев среди революционеров, они объявили евреями Керенского и Чернова (их настоящими фамилиями были объявлены Кирбис и Либерман соответственно).⁹³ Такими и подобными операциями систематически "де-аризировалось" руководство русской революции, так что к концу остались одни евреи. Эта практика достойна быть отмеченной, ибо впоследствии она широко пошла на экспорт (см. ниже) и позднее была усовершенствована нацистской партией.

В прокламации к донским казакам говорилось, что с победой Льва Бронштейна вся собственность казаков, крестьян и рабочих будет проглочена ненасытными китайцами, латышами, евреями и коммунистами.⁹⁴ Интересна здесь попытка выставить в качестве пугала китайцев, игравших едва заметную роль в русской революции. Это было немедленно взято на вооружение Альфредом Розенбергом,⁹⁵ а затем и самим Гитлером.

Еще две фальшивки заслуживают упоминания, так как они пошли на экспорт, повторялись время от времени на разных языках и породили немалую литературу.⁹⁶ Согласно одной из этих фальсификаций, русскую революцию спланировал и финансировал нью-йоркский банкирский дом Кун, Леб и Ко. Согласно другой, царь и его семья были убиты пятью палачами-евреями. Если бы можно было доказать, что Джейкоб Шиф, который представлял банкирский дом, давал деньги коммунистам, было бы очевидным, что русская революция - дело не отечественных революционеров, а чужаков-иностранцев. Более того, это помогло бы продемонстрировать существование объединенного фронта евреев-коммунистов и

евреев-миллионеров, работающих для достижения единой цели - установления власти евреев.⁹⁷ Этот мотив - одна из основ нацистской пропаганды, воспринятая сначала Розенбергом, затем Гитлером и всей нацистской литературой. Однако этой фальшивке верили и в более широких правых кругах, русских и немецких, включая тех, кто не доверял безоглядно "Протоколам".⁹⁸ Кипучая фантазия дорисовывала такие картины: Джейкоб Шиф непосредственно или через немецкого банкира-еврея Макса Варбурга передал русским революционерам неизвестных размеров сумму денег (согласно одному источнику, 12 млн. долларов) и тем спас большевиков в критический момент, если не просто сделал революцию возможной. На самом деле Шиф вместе с другими американскими евреями пытался в 1905 г. убедить американское правительство сделать что-нибудь для облегчения участи евреев в России. Он также вел переговоры со Временным правительством (с Милоковым) в 1917 г. Нечего и говорить, что с коммунистами никаких дел у него не было, и он явно не был заинтересован в их победе. Казалось бы, вся эта история могла лишь рассмешить, но она сохранялась в антисемитской литературе в течение многих лет. Нацисты реанимировали ее, и ее часто использовал "отец" Кофлин.⁹⁹ Коммунисты, вероятно, крайне разгневанные этими совершенно безосновательными обвинениями, отвечали тем же оружием: с конца 30-х годов они стали утверждать, что не они, а нацистское движение получило поддержку Куна и Леба задолго до 1933 г. и что "национальная революция" 1933 г. на самом деле была произведена фирмой с Уолл-стрит и ее (не существовавшим никогда) представителем в Европе Сиднеем Варбургом. Эта утка и сегодня - важная часть советской историографии Германии, хотя ее вздорность давно доказана.¹⁰⁰

Те, кто в 20-е годы доказывал, что американские финансисты-евреи поддержали большевистскую революцию, указывали на единственное обоснованное свидетельство: в официальном документе, опубликованном американским правительством в 1918 г., м-р Дж. Фюрстенберг сообщал м-ру Шолаку в Хапаранду, что германский банкир-еврей Варбург знает все относительно инициатив товарища Троцкого.¹⁰¹ Задолго до того было установлено, что эти "документы", так

называемые "Бумаги Сиссона" - фальшивка, проданная доверчивому американскому дипломату агентом белого движения, руководствовавшимся или денежными или политическими соображениями, или и тем и другим.¹⁰² Эти "разоблачения" тоже нашли дорогу за границу и породили огромную литературу.¹⁰³

История убийства царя Николая II пятью евреями, вероятно, восходит к докладу британского генерала Альфреда Нокса, который был с Колчаком в Сибири и получал информацию от русских правых экстремистов или от корреспондента "Таймс" Уилтона (его доклад датирован 5 февраля 1919 г.).¹⁰⁴ Еще до того как было доказано, что доклад этот - явная фальшивка, его подхватили во многих странах, и он стал основой множества статей, речей и книг,¹⁰⁵ и даже испанский король Альфонсо выразил ужас и негодование по поводу описанного. Большая часть такой литературы возникала в темных журнальчиках, публиковавшихся в Киеве, Ростове и Новочеркасске, часть была добровольным вкладом некоторых британских журналистов, таких как Марсен из "Морнинг пост" или Уилтон из лондонского "Таймс", а также других, о роли которых стоит сказать особо. Нельзя пренебрегать и ролью Освага (Осведомительного агентства) - пропагандистского ведомства Деникина. Политика агентства, более умеренная по тону, нежели пропаганда "черной сотни", не многим разнилась от черносотенной по материалам, преподносимым ею. Бюл-летени новостей, листовки и карикатуры, распространявшиеся Освагом, красноречиво свидетельствуют об этом.¹⁰⁶

"Серым кардиналом" Освага был Василий Шульгин, одна из наиболее интересных фигур русской правой. Будучи редактором влиятельной киевской газеты "Киевлянин", он настаивал на исключении евреев из общественной жизни и нередко содействовал подстрекательству к погромам. В двух случаях его действия вызвали гнев его коллег по крайней правой: в 1913 г., когда он отмежевался от попытки инсценировать процесс по делу о ритуальном убийстве (дело Бейлиса), и в 1917 г., когда он вошел в состав депутации, просившей царя об отречении. Дальнейшая политическая карьер

ера Шульгина также не лишена интереса. В середине 20-х годов он совершил нелегальную поездку в Россию по поручению актикоммунистической организации, не подозревая, что поездка была инсценирована и направлялась ГПУ и что гранки книги, в которой он описывал эту поездку, были просмотрены советским цензором. В 30-е годы Шульгин отошел от политики, годы войны провел в Югославии и был арестован, когда туда вошла Советская армия. Шульгин вновь появился из неизвестности в 1961 г., когда в "Известиях" было опубликовано его пространное письмо Хрущеву, в котором он сообщал, что после многих лет лагерей стал советским патриотом. Шульгин достаточно ясно понимал причины поражения белой армии,¹⁰⁷ в то время как другие были до крайности взбешены, когда ее наступление на Москву внезапно остановилось у Орла и Воронежа, а затем резко перешло в отступление. Для них это была еще одна победа тайных сил ада, и они были полны решимости продолжать борьбу против них из изгнания.

Может показаться, что здесь чрезмерно подробно анализируется деятельность черносотенных пропагандистов и их последователей и преемников в годы гражданской войны в России. Сама по себе эта деятельность большого резонанса не имела: она охватывала относительно узкий круг людей и ни на каком этапе не имела решающего влияния на ход событий в России. Однако в более широкой перспективе вряд ли можно считать эту деятельность полностью безуспешной: после того как эта пропаганда была импортирована в Германию, она стала частью нацистского символа веры. Теперь можно обратиться к, несомненно, самому важному вкладу Восточной Европы в нацизм - к "Протоколам сионских мудрецов".

"Протоколы сионских мудрецов"

В глазах нацистов коммунизм - это всемирный заговор иудео-масонских сил, организованный скрытой рукой старейшин (мудрецов) Сиона. Эрнст Вернер Тухов, один из обвиняемых по делу об убийстве Ратенау в 1922 г., засвидетельствовал, что его поделщик сказал ему: Ратенау (германский министр иностранных дел и глава одного из

крупнейших промышленных концернов Германии) принадлежит к тайному течению в большевизме, он один из 300 "сионских мудрецов", стремящихся установить господство евреев над миром. Двумя годами ранее "Протоколы" были впервые опубликованы вне России. Они привлекли широкое внимание, и многие сотни тысяч экземпляров книги циркулировали в Германии, США и других странах мира. Однако эта книга, которая в каком-то смысле повлияла на весь ход всемирной истории, уже много лет была известна в России, и Нилус, фигурировавший в качестве ее автора, в 1913 г. говорил об этом: "Моя книга появилась 8 лет назад, и я не мог поверить, что к ней отнесутся серьезно".¹⁰⁸ Только за пределами России и только после войны она стала величайшей сенсацией. Биограф Нилуса несколько кощунственно цитирует в этом контексте Евангелие от Матфея: "[Семя] упало на добрую землю и принесло плод: иное во сто крат..." (Матф., 13:8).

Таким образом, "Протоколы" были продуктом совместных, хотя не всегда заранее запланированных усилий крайних правых сил России и Германии. Эта солидарность прослеживается вглубь истории - с 80-х годов XIX века. Русские социалисты сотрудничали со своими немецкими товарищами, но сотрудничество на другом конце политического спектра было, пожалуй, более тесным. Для германских антисемитов царский режим был осуществлением их самых заветных мечтаний. Его наиболее крайних представителей, таких как Столыпин, Плеве, великий князь Сергей, они считали величайшими государственными деятелями эпохи. Существовало тесное сотрудничество между печатными изданиями российских и германских правых. "Штаатсбургер цайтунг" почти ежедневно перепечатывала материалы из суворинского "Нового времени". Подчас доброжелатели на Западе превосходили свой петербургский оригинал: так, например, они объявили, что священник Гапон, который сыграл странную роль в революции 1905 г., на самом деле был евреем - обвинение, которое русские газеты, по понятным причинам, не поспешили повторить.¹⁰⁹

В результате странного поворота истории германский антисемитизм, экспортированный в Россию в начале 1880-х

годов, после первой мировой войны был реимпортирован в Германию из России. В обеих странах существовала скрытая антисемитская традиция, но ее всплеск в России в 1880 г. и в Германии в 1920 г. в значительной степени были обусловлены внешними влияниями. Многие наблюдатели того времени полагали, что "агитация в Германии" (в 1880 г.) была "началом всего этого, и агитационная лихорадка перешла через границы России только после того как она стала эпидемией, распространившейся от Берлина до Померании".¹¹⁰ Специалист по истории восточноевропейского еврейства Дубнов тоже отмечает влияние германского антисемитизма в Польше и России.¹¹¹ Другой историк пишет, что поскольку со времен Петра Великого русские были загипнотизированы Германией, они привыкли импортировать оттуда и идеи: "Идея антисемитизма наиболее полно продемонстрировала свое ядовитое воздействие в России... Берлинские антисемитские лидеры снабдили русских хулиганов необходимыми индульгенциями. Штокер, Альдвардт и их последователи стали подлинными отцами русского погрома..."¹¹²

В 1882 г. некоторые русские приняли участие в первом конгрессе того движения, которому предстояло стать Антисемитским интернационалом. Лидер этого движения в Германии Штокер сказал им, что еврейский вопрос должен быть решен тем же способом, что и турецкий, татарский и арабский (именно так)¹¹³ в средние века. В Германии многие антисемиты уже переросли религиозный этап движения или были близки к этому, тогда как русский антисемитизм продолжал вдохновляться лишь религией.¹¹⁴ Немцы испытывали некоторое замешательство по этому поводу, и в своем манифесте упомянули не только арийские народы, но и ставшие арийскими после принятия христианства - это был нелегкий компромисс между расовым и религиозным антисемитизмом.¹¹⁵ Эти накладки не мешали русским антисемитам воспринять многое из пропагандистского материала, публиковавшегося их немецкими единомышленниками. Этот процесс начался достаточно рано: Вильгельм Марр в своем знаменитом, неоднократно переиздававшемся памфлете о победе еврейства над германцами,

впервые опубликованном в 70-е годы XIX века, предсказывает, что еврейские революционеры попытаются свергнуть царизм в России и, разрушив этот последний оплот порядка, установить там собственное правление.¹¹⁸ Та же тема - выдающаяся роль евреев в революционном (тогда нередко говорили "анархистском") движении - звучит в памфлетах неумолимого Теодора Фрича - нестора германского антисемитизма.¹¹⁷ Вероятно, наиболее успешным образчиком такого рода пропаганды была "Речь главного раввина", которая через несколько десятилетий в расширенной и усовершенствованной форме стала "Протоколами сионских мудрецов". Это был отрывок из романа немецкого писателя Германа Гедше, которому в молодые годы пришлось оставить государственную службу вследствие ряда сомнительных афер. Роман Гедше "Биарриц" содержит главу "На еврейском кладбище в Праге". В этой главе Гедше писал, что раз в 100 лет Синедрион встречается (разумеется, ночью) на могиле Шимона Бар-Иегуды и обсуждает детали плана установления еврейского господства над миром. Книга Гедше впервые была опубликована в 1869 г., но германские антисемиты не сразу осознали пропагандистские возможности этого произведения художественной литературы. Одним из первых, использовавших идею Гедше, был Теодор Фрич, который опубликовал этот отрывок как свидетельство британского джентльмена по имени Джон Ретклифф (не указав, что это псевдоним Гедше). У Фрича все же были сомнения относительно подлинности описанных событий, и он снабдил публикацию таким комментарием: "Даже если это лишь фикция, никто не может оспорить, что она надлежащим образом характеризует цели евреев".¹¹⁸ В 1901 г. "Речь главного раввина" была перепечатана в Германии.¹¹⁹ На этот раз русские власти обратили на нее внимание, и она была опубликована по-русски. Пятью годами позже немецкие антисемиты с большим удовлетворением писали, что это они снабдили соседнюю страну "великолепным оружием": "Речь главного раввина" распространяется русским правительством в миллионах экземпляров... Мы с удовлетворением отмечаем, что спомощью оружия из нашего идеологического арсенала русский народ сможет теперь освободиться от своего смертельного врага".¹²⁰

"Биарриц" не был единственным предшественником "Протоколов". В 80-90-е годы существовала целая литература о "тайной руке", например "Разоблачения относительно убийства царя Александра II", подписанные майором Осман-бей Кибриджли-заде, - одна из наиболее примечательных книг, написанных вне стен сумасшедшего дома.¹²¹ Это сборник нелепых оскорблений, направленных против всех русских политических деятелей и дипломатов того времени, которые обманом лишили автора всех его заслуг. Автор пишет, что он в одиночку выиграл войну против турок (в 1878 г.) и самолично нанес поражение революционному движению в России. Однако никто не признает его заслуг, и Осман-бей вынужден просить подавания. Он подробно описывает, как ему удается добывать по несколько рублей от различных посольств России в разных странах, иногда прося о милосердии, а подчас угрожая шантажом. Осман-бей обнаружил, что международный заговор евреев возглавляет Всеобщий еврейский альянс.¹²² Раввины Восточной Германии - не что иное как лейтенанты и полковники передовых штурмовых отрядов, угрожающих России. Левый фланг Восточного фронта базируется в Кенигсберге, его командующий - местный раввин Бамбергер. "Одного взгляда достаточно, чтобы показать: этот стратегический план, нацеленный на открытие и упразднение русской границы, и в самом деле дьявольски умен".¹²³ Такие и им подобные писания принимались в самых высших кругах за чистую монету. После революции 1917 г. в русских архивах был обнаружен меморандум графа Ламсдорфа, датированный 1906 г., где полностью принимались фантазии Осман-бея, что революционное движение в России возглавляет Всеобщий еврейский альянс и поддерживают Ротшильды. Николай оставил на документе собственноручную надпись: "Полностью разделяю выраженные здесь мнения". Около 1905 г. большинство писателей-антисемитов отбросило теорию об Альянсе как об оплоте политической и военной мощи евреев и переключило внимание на мировое сионистское движение. Но Альфред Розенберг в 1919 г. снова подчеркивает центральную роль Альянса.¹²⁴

Все это было лишь прелюдией к более серьезным делам. После революции 1917 г. возникла новая тема - тождество ин-

тересов еврейства и коммунизма. Уже в апреле 1919 г. один автор назвал эту тему "вечной".¹²⁵ Другой автор сообщает, что "теперь подлинные германские антисемиты должны кое-что признать усвоих русских коллег". Может быть, это означало, что роли переменялись?

Детали происхождения "Протоколов", ввезенных в Германию в 1919 г., неизвестны и, возможно, останутся неизвестными навсегда. Но достаточно установлено, что к этому приложила руку русская политическая полиция и ее чины - полковник Рачковский и генерал Оргеевский; что впервые "Протоколы" появились около 1895 г. и что первоначально они были написаны по-французски. Представляется также определенно установленным, что политические идеи "Протоколов" в значительной степени почерпнуты из книги Мориса Жюли "Диалоги в аду между Макиавелли и Монтескье" (впервые опубликован в Брюсселе в 1865 г.), а большая часть драматургии заимствована из "Биаррица" Германа Гедше (Берлин, 1868-1870). Немало критических исследований было проведено для разгадки величайшей литературно-политической фальшивки современной истории.¹²⁶ Однако в данной работе речь идет не о тех, кто писал "Протоколы", а о тех, кто их читал и использовал в политических целях. Что касается исследований об их происхождении и подлинности, хочется думать, что исполнилось предсказание судьбы Мейера из Берна. Подводя итоги судебному разбирательству 1935 г. в этом городе, он выразил надежду, что придет день, когда люди не в состоянии будут понять, как "несколько весьма интеллигентных индивидуумов две недели напрягали свои мозги в суде по поводу столь смехотворной бессмыслицы".¹²⁷

И все же необходимо дать краткое изложение содержания "Протоколов": они уже принадлежат ушедшим временам, и далеко не все о них знают. Это якобы дословная запись 24 секретных заседаний руководителей всемирного еврейского заговора, где речь идет об их идеях и намерениях. Они провозглашают своей целью уничтожение всех существующих тронов и религий, разрушение всех государств и построение на их руинах всемирной еврейской империи,

возглавляемой императором из дома Давидова. Для этой цели евреи используют различные тайные организации (такие как масонские ложи), но их главные орудия - демократия, либерализм, социализм. Евреи скрываются за всеми всплесками активности в истории (включая, разумеется, Французскую революцию), так как они поддерживают требование свободы личности. Они стоят и за борьбой классов. Ими организованы все политические убийства и, конечно, крупные забастовки. Они подстрекают рабочих к алкоголизму и пытаются создать хаос, повышая цены на продовольствие и распространяя инфекционные болезни. Они уже создали тайное всемирное правительство, но поскольку их власть еще не достигла предела, они подстрекают народы друг против друга, желая спровоцировать мировую войну.

Есть, однако, большая разница между тактикой, используемой для установления всемирного господства, и их реальными целями. Мудрецы ни в коей мере не либералы и не демократы: подлинное счастье, по их мнению, дают не демократические принципы, а слепое послушание власти. Лишь небольшая часть населения получит какое-то образование, ибо распространение просвещения среди низших слоев станет одной из главных причин падения христианских государств. Почетной обязанностью всех граждан будет шпионить и доносить друг на друга. Правительство будет безжалостно расправляться с теми, кто противится ему. Сообщники по заговору, такие как масоны, будут ликвидированы: часть их убьют, а часть поместят в карательные заведения за морем.

Но что будет, если неевреи во-время раскроют этот дьявольский заговор? Что если они набросятся на евреев, узнав, что все несчастья и все интриги в мире - часть их гигантской сверхпрограммы? Против этой последней угрозы у мудрецов есть страшное сверхоружие: всестолицы мира будут вскоре пронизаны сетью подземных железных дорог. В случае опасности они взорвут города черед подземные тоннели, и все правительства, учреждения, архивы, все неевреи и их имущество будут уничтожены.

Это "сверхоружие" оказалось слишком большим испытанием даже для легковых русских и немецких издателей "Протоколов". Русские редакторы добавили примечание, что в настоящий момент таких подземных тоннелей в России нет, но "международные комиссии уже работают в поддержку их строительства".¹²⁸ Немецкий редактор Теодор Фрич замечает в этом месте, что здравый смысл восстает против такой идеи. Вероятно, это лишь образное выражение, с помощью которого автор хотел подчеркнуть, что евреи для достижения своих целей не остановятся перед использованием самого устрашающего оружия. (К счастью, "Протоколы" были испечены в доатомную эпоху. Сегодня их составители привлекли бы к делу водородную бомбу вместо столь неуклюжего и, вероятно, неэффективного оружия как подземные взрывы.)

Мир "Протоколов" отличает удивительное сходство с миром фантазий царя Николая II или Гитлера (в его "Застольных беседах"). Комментаторы последующих эпох придерживались мнения, что всемирный заговор, описанный в "Протоколах", тождествен сионизму, который, кроме провозглашенной им официальной программы создания еврейского государства в Палестине, имеет тайные планы, идущие гораздо дальше. В ранних вариантах изданий "Протоколов" заговор ведет организация, совершенно обособленная от сионистского движения.¹²⁹ Некоторые отождествляют ее с Всеобщим еврейским альянсом, другие определяют ее не как специфически еврейскую, а как некий рабочий союз евреев и масонов.

Столь краткий из всех возможных обзоров, вероятно, не может передать аромата этой смеси самых разнообразных нелепостей. Этот документ надо полностью или хотя бы частично прочитать, чтобы поверить в возможность его существования.

Это наиболее разработанное в деталях и наиболее абсурдное проявление веры в "тайную руку", в централизованный заговор, скрывающийся за всеми несчастьями и всем злом мира. "Теория заговора" в истории, по-видимому, так же стара, как и сама историография. Временами она про-

является в форме глубоко заходящей мании преследования, фатально поражающей людей и целые народы. В другие времена она представляется скорее безобидной, хотя и бредовой попыткой свести к общему знаменателю события самого различного происхождения и характера.

В эпоху пуританской революции в Англии теория заговора объясняла ее происхождение. Книги аббата Барруэля (1797) и шевалье де Мале ("Воспоминания о якобинстве", франц., 1817) приписывали этому заговору происхождение Французской революции, и эти книги имели широкое хождение среди современников этих революций. Тогда писали о тройном заговоре - философов, масонов и иллюминатов (тайное общество свободомыслящих республиканцев в Германии /1776-1785 гг./ - Примечание переводчика.). Для евреев тогда еще в нем не было места, ибо евреи не играли никакой роли в общественной жизни тогдашней Франции. Лишь в книге Гугено де Муссо "Евреи, иудаизм и иуданизация христианских народов" (1869 г.), переведенной, кстати, на немецкий язык Альфредом Розенбергом, антидемократические и антилиберальные тенденции стали сочетать с последовательным антисемитизмом. К этому времени евреи получили определенную политическую и экономическую власть и уже могли стать козлами отпущения. В 1880-1914 гг. идея всемирного заговора стала признанным символом веры крайних правых Франции, Германии и России, и "Протоколам" предшествовало множество публикаций на различных языках, обсуждать которые в этой работе нет возможности.¹³⁰ В целом, ситуация для "Протоколов" до 1918 г. была неблагоприятной, и в России меньше, чем где бы то ни было. Российские евреи были угнетенным, подавленным меньшинством, большинство их жило в жалкой нищете. Они никак не походили на богатых всемогущих евреев "Протоколов". Неудивительно, что даже русские правые отвергли "Протоколы". Столыпин, которому политическая полиция представила один из ранних вариантов "Протоколов", отбросил его как непригодный. Вероятно, уже никогда нельзя будет узнать, были ли "Протоколы" средством, использованным кликой во главе с великой княгиней Елизаветой, чтобы заставить царя избавиться от Филиппа, французского месмериста и

шарлатана, который приобрел значительное влияние при дворе, или они были намечены к использованию политической полицией против либералов. В переплетении различных интересов - полицейских генералов-антисемитов, великих княгинь-интриганок, доносчиков и фальсификаторов, жаждавших заработать грязные деньги, религиозных маньяков, реакционных политиканов и просто жуликов - так же нелегко выяснить причины происхождения "Протоколов", как найти иголку в стоге сена.

По-русски "Протоколы" опубликовали бессарабский мошенник Г. Бутми (де Кацман) и Сергей Александрович Нилус,¹¹¹ личность несколько более сложная. Сведения о биографии Нилуса происходят из двух источников - сообщений французского графа Армана Александра дю Шайла и русского эмигранта графа Жевахова, темной личности, находившейся на границе религиозного безумия и шаманства (таких людей в этих кругах было много).¹¹² Оба сходятся в том, что Нилус был помещиком из Центральной России и вел рассеянную жизнь. Согласно Жевахову, озарение пришло к Нилусу в зрелые годы, когда он увидел в Киеве комету. Дю Шайла предлагает более прозаическое объяснение: Нилус проиграл много денег во французских казино, он растратил свои средства, и средства первой жены, так что ему пришлось возвращаться домой в Россию, чтобы искать работу и, по возможности, новую жену. Оба биографа соглашаются, что постепенно Нилусом овладела жестокая мания преследования. Его вторая жена Озерова была в прошлом фрейлиной великой княгини Елизаветы и, возможно, что полубезумный Нилус был избран этими кругами как подходящее орудие публикации и распространения "Протоколов". "Религиозное безумие" Нилуса с сожалением отмечают и некоторые русские популяризаторы "Протоколов", которые жалуются, что его мания преследования обесценивала антисемитизм. Шварц-Бостунич, это "недостающее звено" между черной сотней и нацистами, сказал о Нилусе, что несмотря на его "бессмертные достижения..., идеологически мы остаемся на астрономическом расстоянии от человека, который действительно ожидал пришествия Антихриста и для которого средневековый дьявол был реальным суще-

ством".¹¹³ Нилус опубликовал "Протоколы" как часть более крупной и амбициозной книги "Большое в малом, или Антихрист как близкая политическая возможность". Это невероятная смесь религиозных цитат, предсказаний о пришествии Антихриста с указанием точных сроков и символических рисунков, по большей части - звезд и змей. Эта книга ждет психиатрического исследования, но в данном контексте это не столь важно. Многое из этого патологического символизма было в дальнейшем переосмыслено "учеными" антисемитами, которые посмеивались над Нилусом: существует огромная литература о знаках, обнаруженных на стенах комнаты, где была убита последняя царица, об эмблеме Лиги наций и т.д. Если Нилус, по-видимому, верил в эти символы сами по себе, его последователи пытались установить связь между этими символами и масонскими эмблемами.

Первое издание "Протоколов" Нилуса было напечатано официальной типографией двора в Царском Селе, последнее - типографией Троице-Сергиевской лавры, главного русского монастыря. Это показывает, что хотя ни двор, ни Священный синод не одобрили официально и не пропагандировали "Протоколы", у Нилуса явно были весьма высокопоставленные доброжелатели.

К 1917 г. Нилус исчезает со сцены,¹¹⁴ а "Протоколами" занялись профессионалы. После нескольких новых изданий на юге России, находившемся тогда под контролем белых армий, русские эмигранты доставили "Протоколы" на Запад (1919 г.). Их первое немецкое издание было поддержано "Лигой против еврейской наглости", вождем которой был Готфрид цур Беек (собственно, капитан Мюллер фон Хаузен), советник Людендорфа, который был редактором издания.¹¹⁵ Издание содержало лишь небольшую часть книги Нилуса, а именно, "Протоколы". За короткое время было продано около 120 тыс. экземпляров. Брошюры, листовки и оттиски, основанные на этом издании, исчислялись миллионами. Ведущие газеты, такие как "Крейццайтунг" и "Дейче Цайтунг", печатали серии фрагментов из "Протоколов", снабжая их комментариями, а германские аристократы (включая кайзера, находившегося к

тому времени уже в изгнании в Нидерландах) посылали их друзьям с горячими рекомендациями. Были и многие другие немецкие издания "Протоколов", прежде всего осуществленные Теодором Фричем.¹³⁶ В качестве немецкого комментатора "Протоколов" создал себе имя Альфред Розенберг: он опубликовал множество статей и брошюр по этой тематике, вышедших большими тиражами.¹³⁷ За относительно короткое время "Протоколы" были переведены на многие языки, они стали стандартным антисемитским текстом в большинстве европейских стран и распространились на другие континенты. В Англии, например, был выпущен журнальный вариант книги (издание газеты "Морнинг пост"), а затем появилось и книжное издание уважаемой издательской фирмы "Эйрэнд Слоттисвуд". Бесчисленные издания в форме брошюр были опубликованы профашистской группой "Брайтона". Во Франции в течение нескольких лет были опубликованы три перевода "Протоколов", а затем - еще больше. Были польские, итальянские, даже японские и китайские переводы, а в середине 20-х годов латинский патриарх Иерусалима Барсалина призвал свою паству покупать арабское издание "Протоколов". Новые арабские издания последовали в 30-е годы и после второй мировой войны. Наиболее широко поощрял распространение книги Генри Форд, с помощью которого было продано несколько сот тысяч экземпляров "Протоколов". Форд стал также издавать газету, специально посвященную изучению "Протоколов", но позднее он признался, что перестал верить в их подлинность. К 1923 г. сформировалась международная сеть распространителей и исследователей "Протоколов". Они использовали в качестве трибуны некоторые русские эмигрантские газеты, а также газеты в Германии (протонацистский орган "Хаммер"), в Великобритании ("Пэйтриот", "Бритишгардиан"), в США ("Дирборн Индепендент"), в Италии, Венгрии, Франции, Норвегии, Дании, Польше и других странах. Между этими изданиями и их покровителями существовали координация и сотрудничество: антисемитский интернационал работал на самом деле гораздо лучше, чем мифические "сионские мудрецы".

Чем можно объяснить огромный успех "Протоколов"? Через несколько десятилетий представляется совершенно не-

понятным, как столь примитивная фальшивка могла серьезно восприниматься таким множеством людей столь долгое время.¹³⁸ Здесь следует вспомнить специфику послевоенного времени, когда появились "Протоколы", когда их читали и им верили. После многих лет мира и процветания оптимизм европейцев был жестоко разрушен. Для многих из них первая мировая война грянула как гром с ясного неба. Миллионы людей погибли в бессмысленной бойне, материальные разрушения не имели себе равных в истории. К концу войны многие миллионы людей оказались без средств к существованию и без реальных надежд на будущее. Почти повсюду за войной последовали беспорядки, революции, гражданские войны и экономические катастрофы - инфляция и безработица. В таких обстоятельствах многие искали объяснения (по возможности простого и ясного) причин катастроф и всех непорядков в мире. Русская революция, зловещее и грозное событие, породила множество раздумий и спекуляций. И вот документ из той самой страны, где произошли апокалиптические события. Одного этого было достаточно, чтобы множество людей приняли эти поразительные разъяснения. Невозможно, чтобы такое множество несчастий не имели между собой связи и не были где-то задуманы; за ними наверное скрывается какая-то невидимая рука. В конечном счете, никому не было дела, что эти подделки примитивны и неубедительны. "Невежды верили вследствие своего невежества, а полуинтеллигенты - потому что для реакционеров это было хорошее дело".¹³⁹ Если уж "Протоколы" широко читали и отчасти верили им в странах, которые вышли из войны победительницами, то еще более понятен их успех в лагере побежденных - от русских белых армий до веймарской Германии. Потерпевшим поражение был необходим козел отпущения. Кто в действительности привел царскую Россию к развалу? Кто нанес удар в спину непобедимым германским войскам? Разве не факт, что после войны евреи оказались на видных политических постах в Германии и России, что повысился их вес в экономической и культурной жизни этих стран? Правые в России и Германии поняли, что они не должны винить себя и видеть причину поражения в своих ошибках - дело во внешнем враге. Психологически такое решение было приемлемо повсюду.

Но "Протоколы" предлагали больше чем объяснение: в них были и политический лозунг, и военный клич. Гитлер не верил в Христа. В отличие от Нилуса, он не страшился Антихриста. Но он был достаточно искусен, чтобы осознать огромный пропагандистский потенциал основных идей "Протоколов". Он ссылается на них в "Майн Кампф", большая часть сказанного в его главном труде основана на "Протоколах". Некоторые исследователи идут еще дальше: они полагают, что и в своей конструктивной программе Гитлер был учеником "сионских мудрецов".¹⁴⁰ Разве он не был убежден, что сила и есть право, разве его вера в диктатуру и террор, его оппозиция демократии и конституционализму не смоделированы близко к образцам, рекомендованным "мудрецами"? Не являются ли "Протоколы" истинным ключом к нацистской политике? Представляется, однако, что такие параллели слишком искусственны. "Протоколы" нужны были Гитлеру для борьбы против евреев, а не в качестве плана будущего Европы.

ПРОЛОГ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ

Гитлер и русская правая

Русская эмиграция, разделенная на десятки групп и партий, имела свои ежедневные газеты и издательства, школы и театры, общественные клубы и объединения бывших однопольчан. Многие заинтересованные наблюдатели полагали тогда, что изгнание с родины этих мужчин и женщин является временным. Ведь, в конце концов, беженцы от Французской революции вернулись в родную страну, хотя и через много лет. Никто не отнесся серьезно к деятельности Ленина, Троцкого и их друзей, когда их можно было встретить в кафе Берлина, Вены и Цюриха. Правительства, партии и разведывательные службы были полны решимости не повторить этой ошибки, и за новыми русскими эмигрантами пристально следили.

Наиболее активными из этих доброжелателей правой русской эмиграции были их немецкие сторонники, которые

сделали серьезную ставку на завоевание политических симпатий русских эмигрантов на конгрессе в Рейхенхалле в 1921 г. Германские источники считали в то время (может быть, ошибочно), что почти 90% русских эмигрантов принадлежали к крайним правым или к монархистам. Поиски сотрудничества исходили главным образом от Шейбнер-Рихтера и его мюнхенского круга, включавшего известных политических деятелей, таких как Крамер-Клетт и советник Аман из Баварской народной партии, а также от Людендорфа и полковника Бауэра, одного из ближайших друзей Шейбнер-Рихтера в Германском верховном командовании и руководителя получастной разведывательной службы. Предполагалось, что поддержка Людендорфа и Бауэра является секретной, но на самом деле об этом было хорошо известно, и этот факт даже обсуждался в печати.¹⁴¹ Целью правых германских политиков было восстановление прежнего германо-русского союза, русские же по понятным причинам желали финансовой и политической поддержки немцев. В Рейхенхалле они надеялись преодолеть расхождения и разброд, который по-прежнему оставался болезнью эмиграции.

В начале июня 1921 г. в ресторане "Пост" в маленьком баварском городке Рейхенхалль собрались около 130 представителей русской эмиграции из различных стран Европы. Среди них было немало широко известных имен и лиц: предводитель московского дворянства Крупенский, бывший товарищ председателя Думы Волконский, сенаторы Беллегарде и Римский-Корсаков, бывший министр Трепов, бывшие генералы Захаров (командовавший армиями на Дальнем Востоке) и Бискупский. Из священников были епископы Антоний Киевский, Сергей и Евлогий. Из политиков - Марков, из идеологов - Масленников. Сильное представительство имели прибалты: барон Таубе, граф Граббе, Фелькерзамб и другие. Начался съезд хорошо (одна немецкая газета отмечала, что если в Петербурге никакие официальные дела не начинались раньше полудня, заседания в Рейхенхалле начинались ежедневно ровно в 10 часов утра), но внутренние разногласия оказались сильнее, чем факторы единения, и практически на съезде было весьма мало достигнуто. Комментарии прессы

были в основном враждебными: социал-демократическая печать назвала его попыткой создать союз между "новыми баварцами" (имелись в виду Людендорф, Шейбнер-Рихтер и, возможно, Гитлер) и бывшими русскими. Как и следовало ожидать, коммунисты назвали его съездом "черной сотни", но даже резко антикоммунистическая печать издевательски отмечала, что "лишь весьма немногие в мире ожидают послания из Рейхенхалля".¹⁴² Люди из русской демократической эмиграции считали, что претензии и надежды монархистов, собравшихся в Рейхенхалле, не имеют никаких перспектив. Некоторые пренебрежительно называли их Донкихотами.¹⁴³ Ход съезда, похоже, оправдал их скептицизм.

Все участники съезда сошлись на том, что экономическое восстановление - дело величайшей важности, но о каком экономическом восстановлении может идти речь, если не добиться политической власти? Вопросы о национальных меньшинствах и новых государствах, возникших на границах бывшей Российской империи, были оставлены открытыми. Велись разговоры об ограниченной аграрной реформе, но и это осталось где-то за бортом. Многим хотелось поднять вопрос о евреях, но это сочли неразумным. Вместо этого было провозглашено, что единственное спасение для российских евреев - в сотрудничестве ради восстановления монархии.¹⁴⁴ Если они откажутся сотрудничать, русский народ возложит на них эту вину. Немирович-Данченко, который был офицером ведомства печати у Врангеля в Крыму, а впоследствии много лет писал для Розенберга в "Фолькишер беобахтер", от имени группы "Возрождение" огласил на съезде новый проект: Россия нуждается в квалифицированных германских рабочих, и их эмиграция в Россию должна быть тщательно распланирована с тем, чтобы не эксплуатировать рабочих, не давать больших выгод капиталистам, а принести выгоду обеим странам.¹⁴⁵

Германские правые были, несомненно, довольны тем, что Марков в выступлении на съезде осудил Версальский договор, по которому, как он выразился, Россия была продана с молотка и который он назвал оскорблением всего человечества. Все это было хорошо,¹⁴⁶ но по центральному

вопросу соглашения достигнуто не было. Даже крайние правые не полностью соглашались с прогерманской ориентацией, и на них не слишком большое впечатление производили предостережения германской националистической прессы, что парижский центр русской эмиграции не только находится под властью французов, но и засорен евреями и масонами.¹⁴⁷ Не было среди эмигрантов единодушия и относительно выборов нового царя. Оба претендента - Кирилл Кобургский и Николая Николаевич (Париж) имели своих сторонников, и сторонники прогерманской ориентации не смогли протолкнуть своего кандидата. Отчет того времени, составленный немецкой полупричастной службой, весьма многое раскрывает: в частности, что Марков четко придерживался прогерманской ориентации, что Римский-Корсаков, секретарь съезда, никакими талантами не обладает, но человек надежный, а сенатор Нейдхарт и Долгоруков придерживались французской ориентации. О русской эмигрантской разведывательной службе в этом отчете сказано, что она совершенно неразборчива в своих контактах: ее руководители Хаусман и Фрейберг установили связи даже с японцами.¹⁴⁸

Итак, съезд в Рейхенхалле закончился без каких-либо ощутимых результатов. Его участники разъехались - в Берлин, Белград, Мюнхен, Париж, и каждый последовал своим политическим курсом. План объединения русской эмиграции или хотя бы ее крайне правого монархистского крыла не удался. От съезда остался лишь миф о великой встрече, в ходе которой было почти достигнуто единство.

Василий Бискупский

Среди не сдавшихся после Рейхенхалля был генерал Василий Бискупский, игравший ведущую роль в русской эмиграции в 20-е годы и при Гитлере. В России он был известен как способный офицер, а еще больше как азартный игрок. Во время революции он командовал третьим армейским корпусом в Одессе. После эвакуации белых частей с Украины он поселился в Берлине, а после капповского путча, во время которого он держался на обочине, Бискупский перебрался в

Мюнхен - тогдашнюю Мекку правых. Он был знаком с Людендорфом и полковником Бауэром, которые считали его самым способным и надежным из лидеров русской эмиграции. Бискупский стремился собрать как можно больше союзников для борьбы с большевизмом, и какой-то приятель однажды рассказал ему о выступлении Гитлера на митинге в мюнхенском трактире. "Гитлер произвел на него впечатление сильного человека, обладавшего большой властью над теми, кто его окружал", - сообщает свидетель.¹⁴⁹ Гитлер и Бискупский познакомились и впоследствии их отношения стали довольно близкими. Примерно в то же время Бискупский связал свою судьбу со сторонниками Кирилла в русской эмиграции и вскоре стал его "премьер-министром".

По сообщениям людей, хорошо его знавших, Бискупский был незаурядным хитрецом и интриганом высокого класса, он постоянно был вовлечен в какие-то политические или финансовые аферы. С самого начала первой мировой войны он разделял убеждение о гнусном влиянии "невидимой руки" (евреев, масонов, иезуитов и прочих темных международных сил).¹⁵⁰ Но по меньшей мере один свидетель считает, что Бискупский был слишком умен, чтобы верить в это, и просто делал вид, что верит, чтобы приобрести доверие крайне правых монархических кругов. Согласно тому же источнику, Бискупский "о судьбе России заботился не больше, чем о будущем Абиссинии". Его больше интересовал азарт и грязь политики, а не идеология.¹⁵¹ Возможно, это преувеличение, но Бискупский действительно любил интриговать и строить козни, в основном за сценой, науськивая одного великого князя на другого в их претензиях на престол. Он плел интриги с Людендорфом и заключил с ним (во всяком случае впоследствии он уверял в этом всех) тайное соглашение о будущем Германии и России. Точное содержание этого "русско-германского договора 1923 г." неизвестно. Людендорф, насколько можно судить, никогда о нем не упоминал. Но Бискупский в разговоре, происходившем вскоре после подписания германо-советского договора 1939 г., сказал, что новый пакт "не нарушает старого соглашения, основанного на границах 1914 г.". Он заявил также, что последний параграф "договора" предусматривал создание

"народной монарии".¹⁵²

Из молодых помощников Бискупского в Мюнхене и Берлине печальную славу заслужили Шабельский-Борк и Таборитский. Петр Николаевич Шабельский-Борк родился на Тереке в 1893 г. Он был сыном богатого кавказского помещика. Совсем молодым он присоединился к Союзу русского народа. Связь эта была семейной: его мать Е.А. Шабельская-Борк была одним из ведущих членов Союза.¹⁵³ Шабельский участвовал в первой мировой и гражданской войне в качестве офицера, а затем вместе со своим другом Таборитским создал в Берлине организацию по образцу "черной сотни". Оба они были вовлечены и в литературную, и в террористическую деятельность. Шабельский-Борк поддерживал периодическое издание "Луч света" - экстремистский журнал, а Таборитский напал на берлинской улице на Гучкова, известного политического деятеля, руководителя партии октябристов в царской России. Их наиболее громким делом было убийство Владимира Набокова 28 марта 1922 г. Лидеры конституционно-демократической партии собрались в Берлине на митинг эмигрантов в помощь голодающим в России. Когда Милюков закончил свой доклад и председательствующий пригласил публику задавать вопросы, террористы во главе с Шабельским-Борком и Таборитским ворвались в зал Берлинской филармонии, где происходил митинг, и, распевая патриотические песни, открыли огонь по президиуму. Они намеревались убить Милюкова, но попали в Набокова, закрывшего своим телом коллегу по руководству кадетской партии (с которым он, кстати, расходился по многим вопросам). Милюков спасся тем, что упал на землю, а Набоков был смертельно ранен.¹⁵⁴ На суде Шабельский-Борк и Таборитский отрицали свою принадлежность к какой-либо политической организации. Они уверяли, что были замешаны в нечто вроде романтической кавказской вендетты и просто хотели отомстить за честь царицы, которую Милюков оскорбил в своей речи во время войны.

Шабельский-Борк был приговорен к 14 годам каторжных работ, Таборитский - к 12 годам. Однако оба освободились на-

много раньше назначенных приговорами сроков и вновь стали играть какую-то роль в русской эмиграции в Германии.¹⁵³

Кобургский кружок

Великий князь Кирилл Владимирович (1876-1938 гг.), провозгласивший себя императором в 1922 г., был двоюродным братом Николая II, и в качестве такового являлся законным претендентом на русский престол. Однако его противники утверждали, что поскольку его мать не принадлежала к истинной вере и он был женат на неправославной, он не может претендовать на российский престол. Но по словам сторонников Кирилла, все его соперники были дискредитированы в ходе революции и гражданской войны или же вызывали подозрения в демократических и конституционных склонностях. Кирилл служил без особых отличий в русском флоте. После революции прибыл в Финляндию, а затем поселился в Кобурге, владении семьи его жены. Это был туповатый неприязнительный человек, практически не интересовавшийся политикой, предоставлявший жене и ее советникам принимать решения.¹⁵⁶ Его программа, впервые опубликованная в октябре 1922 г., была расистско-популистской, близкой по характеру к программе нацистов.¹⁵⁷ Практически это был старомодный манифест, содержащий пожелания о "Советах без коммунистов" и обещания крестьянам предоставить землю, на которой они работают. Такие уступки духу времени и происшедшей социальной революции были, видимо, сочтены необходимыми, но в практические детали этих новшеств программа не вдавалась. Лишь в одном пункте Кирилл и его советники были твердо убеждены: в любом случае при реставрации им понадобится германская помощь, и поэтому следует сделать все возможное для борьбы с просоветской ориентацией, ставшей модной в правых кругах Германии в 20-е годы.

Сама идея создать вне России царское контр-правительство на традиционной основе была политически нереальной, и вскоре все это превратилось в фарс. Большинство монархистов в эмиграции, включая Высший монархичес-

кий совет, не признали Кирилла. Между его сторонниками и сторонниками великого князя Николая Николаевича, жившего в Париже, развернулась ожесточенная борьба. Кобурги предприняли усилия, чтобы получить поддержку США. Согласно одному источнику, в Америку были по существу проданы три места в регентском совете Кобургов. В это русское правительство в изгнании входил камергер Мятлев, репутация которого среди его соотечественников не была слишком высокой; полковник Доливо-Долинский, глава "секретной службы"; Алексей Бобринский, старый генерал, издававший газету "Вера и верность", и гусарский капитан Н.О. Граф, который в эмиграции вырос до "адмирала", являлся начальником канцелярии группы Кирилла вплоть до начала второй мировой войны и был самым активным из сторонников Кирилла.¹⁵⁸

Сотрудничество и после сотрудничества

Сотрудничество между русскими эмигрантскими группами и ранним нацистским движением прекратилось после неудачного гитлеровского путча в 1923 г. Поражение Гитлера отрезвило русскую крайнюю правую. Ее положение ухудшалось также и спад монархических настроений в Баварии (и по всей Германии), приход к власти в Британии лейбористского правительства и шаги к признанию советского правительства,¹⁵⁹ делавшиеся во Франции. Мюнхен перестал быть центром русской эмиграции. Кроме группы Кирилла, в Германии почти не осталось русских политических деятелей эмиграции.¹⁶⁰

Тесные связи между русскими эмигрантскими группировками и нацистами не возобновились после выхода Гитлера из тюрьмы. В Германии сформировались твердые антирусские настроения. Если нацисты и думали о какой-либо последовательной политике в отношении Восточной Европы, то они предпочитали поддерживать украинских сепаратистов.¹⁶¹ Бискупский безуспешно пробовал возобновить контакты с лидерами нацистов, включая Гитлера. В письме от 21 сентября 1932 г. он предлагал "координировать политику" несмотря на идеологические различия,¹⁶² но он не получил

удовлетворительного ответа. Когда дела нацистов вновь пошли в гору, Бискупский усиленно пытался втереться в доверие к Розенбергу, которого тогда считали будущим германским министром иностранных дел. Бискупский говорил Розенбергу, что он против его антирусских взглядов, но лично ему он всегда симпатизировал. Розенберг же высказывал претензии Бискупскому и его друзьям по поводу того, что они никогда не обсуждали достаточно серьезно законность германских территориальных претензий на Востоке.¹⁶³ Когда нацисты пришли к власти, Бискупский и его друзья не замедлили напомнить новым хозяевам Германии об их больших услугах общему делу в 1921-1923 гг. "Дорогого Альфреда Вольдемаровича" (Розенберга) и "дорогого Арно Густавовича" (Шикеданца) бомбардировали письмами по-русски и по-немецки.¹⁶⁴ Больше всего русских интересовали деньги: положение их было отчаянным. Бискупский не имел никакой финансовой поддержки с 1928 г. Еще труднее пришлось Шабельскому-Борку. Бискупский не просил ничего даром: он предлагал организовать широкую шпионскую сеть во Франции. Его организация там ("Младороссы"?) направляла отчеты лично ему, и он добивался прямых контактов с Розенбергом и Гитлером. У его организации имелись отличные связи - с французским генеральным штабом, со Вторым и Третьим интернационалами и даже с масонской ложей "Великий Восток". Он полагал, что нацисты должны осознать важность получения постоянного потока точной информации из вражеской страны. В отличие от прежних германских правительств, нацисты читали книгу полковника Николаи (о шпионаже в первую мировую войну) и были готовы сделать необходимые выводы.¹⁶⁵ Однако немецкие профессионалы относились с сомнением к намерениям шпионов-любителей. По их настоянию Бискупский был арестован гестапо и содержался в заключении с июня по сентябрь 1933 г. Но это не стало концом его карьеры: через два года он вновь появился на политической сцене и затем стал главой русской эмиграции в Германии. Однако эти позднейшие события выходят за пределы настоящего исследования.

В середине 20-х годов Кирилл Кобургский и его семья был вынужден оставить Германию. Согласно их версии,

причиной этого были чрезмерные финансовые поборы, запрошенные немецкими налоговыми органами по наущению социал-демократического министра Гильфердинга. На самом деле они лишились большей части собственности вследствие мошенничества афериста, втершегося в доверие крайних правых из окружения Людендорфа.

В конце 20-х годов в русской крайней правой были сильны симпатии к Гитлеру и Муссолини. Под впечатлением победы нацистов в Германии возникло множество мелких полуфашистских и полунацистских группировок и в этой и в других странах. Но нацисты были равнодушны к этим потенциальным союзникам и делали все, чтобы оттолкнуть их.¹⁶⁶ В ранний период деятельности нацистов им были нужны союзники, но после 1931-1932 гг. эти русские рассматривались скорее как бремя, чем как ценное приобретение.

Большая часть русской эмиграции не принимала никакого участия во флирте с нацистами и стояла в стороне от попыток наладить с ними сотрудничество после 1933 г. Военные лидеры, такие как генерал Деникин, испытывали сомнения по поводу демократии, как большинство политических деятелей старшего поколения, но идеи германского национал-социализма явно их не привлекали, им казалось невозможным видеть в Гитлере достойного доверия союзника. На первый взгляд, русская эмиграция представлялась благоприятной средой для разного рода фашистских идеологий и движений. Но на деле положение было значительно сложнее. Расистские теории немцев не нашли сторонников среди большинства русских независимо от политических убеждений последних: больше сторонников приобрел итальянский фашизм с красным оттенком. Однако если оставить в стороне идеологические вопросы, для сотрудничества не хватало одного фактора: в Германии и Италии фашистские движения пришли к власти как крайне националистические движения масс, настроенных против внешнего врага, в то время как фашистские группировки русских возлагали надежды на помощь извне для избавления от большевистских правителей России - позиция не слишком достойная с точки зрения крайних националистов.¹⁶⁷ Никто не

понимал этого яснее, чем Гитлер, который через много лет вспоминал о своем споре с Розенбергом по этому поводу в 1921 г.: «Я сказал ему: "Розенберг, помяни мои слова, революцию делают люди внутри страны, а не из-за границы". Тут пришел этот гетман (Скоропадский), и я спросил Розенберга: "Чего ты ожидаешь от этого человека?" - "Ну, - сказал тот, - он организует революцию". Я ответил: "Для этого он должен быть в России".»¹⁶⁶

Пролог к окончательному решению

Немногие из крайне правых русских эмигрантов присоединились к нацистской партии. Большинство осталось вне ее, потому что испытывали определенные сомнения или же получили отказ в приеме. В любом случае их политическая деятельность большого значения не имела. Большее значение имели их идеологические усилия осовременить доктрину "черной сотни", освоить уроки войны и революции. В этом смысле они оказали определенное, хотя и ограниченное влияние на национал-социализм. Особый интерес в этой связи представляет деятельность Федора Викторовича Винберга, бывшего царского офицера, который опубликовал ряд книг и редактировал несколько периодических изданий в 20-е годы в Берлине. Винберг не был заметной фигурой в русской политической жизни: он не был депутатом Думы и не входил в узкий круг правой эмиграции. Тем не менее его публикации имеют непосредственное отношение к нашей теме, ибо он собственным извращенным путем пришел к наиболее последовательному и красноречивому выражению идей этой группы эмигрантов, и его писания явно повлияли на Альфреда Розенберга, а через него - и на Гитлера. Прежде всего, именно Винберг привез в Германию "Протоколы" и опубликовал их там.

Винберг был сыном генерала, командовавшего кавалерийской дивизией, и родился в Киеве. Став офицером императорской конной гвардии, он дослужился до чина полковника. Политикой он стал заниматься относительно поздно, перед первой мировой войной - он вступил в группировку Пуришкевича и писал для черносотенных периодических

изданий. Винберг принадлежал к небольшой, но влиятельной группе русифицированных немцев, игравших важную роль в политике и администрации царской России и в правых кругах до и после революции.¹⁶⁹ Во время войны положение этих людей в России было нелегким: их подозревали в измене. Винберг явно не простил Пуришкевичу его крайней антигерманской позиции в тот период.¹⁷⁰ Разумеется, эти обвинения против Винберга и его друзей были ложными. Они одобряли прогерманское направление русской внешней политики, но с началом военных действий явно проявляли лояльность к своему государю и отчизне.

Винберг был самым лояльным и преданным подданным царя. Его писания полны нападок на тех политиков из центра и справа, которые не были совершенны в этом смысле.¹⁷¹ Незадолго до Октябрьской революции Винберг принял участие в заговоре с целью свержения Временного правительства, был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.¹⁷² Здесь у него было достаточно времени, чтобы писать дневник и упорядочить свои идеи. Как Гитлер в Ландсбергской тюрьме, он стал готовиться к карьере политика и публициста. В 1918 г. Винберг был освобожден (или бежал). Сначала он отправился на Украину, а оттуда в Германию, где развивал свои идеи в недолговечной берлинской газете "Призыв" и ежегоднике "Луч света", публиковавшемся сначала в Берлине, а затем в Югославии и в ряде других изданий, а также в книге "Крестный путь". Идеи Винберга можно кратко изложить следующим образом:

- 1. Евреи - источник всех зол, они должны быть истреблены.*
- 2. За разрушение России ответственны либералы и конституционные монархисты. Любые формы демократии и республиканского режима плохи. Необходима сильная диктатура, ибо народ глуп, плох и доверять ему никогда нельзя.*
- 3. Россия и Германия должны объединиться, чтобы сокрушить революцию.*
- 4. Католическая и православная церкви должны*

объединиться против соединенных сил жидомасонских сект, ныне действующих под обличем нового Интернационала.

Сначала Винберг стоял на позициях защитника старого режима, но вскоре расстался с этой частью своих символов веры, продолжая ожесточенно противиться всем формам парламентаризма и "демократического вздора". В его идеях просматривается смесь Ницше и социального дарвинизма, противопоставленная ярому роялисту. В "Берлинских письмах", публиковавшихся в "Луче света", Винберг учил, что природа любит сильного, смелого, проворного, того, кто действует, а не болтает. Она не терпит слабости и демократических полумер.¹⁷³ К массам Финберг испытывал сильное отвращение, и его единственная претензия к Николаю II состояла в том, что покойный царь слишком идеализировал "мужика" и вообще русский народ,¹⁷⁴ которые на самом деле ни к чему не пригодны и достойны наказания за измену своему государю. Народ всегда будет слепой, невежественной, бесчувственной и бессмысленной массой, которая никогда ничего не понимает, кроме своих самых примитивных материальных нужд. Народ - "антропоидное стадо", многоликий хам. То, что Розенберг писал о евреях и еврейской истории, может быть прослежено строка за строкой и глава за главой в "Берлинских письмах" Винберга 1919 г.: еврейская религия - религия избранных. В течение многих сотен лет евреи были вовлечены в борьбу против нееврейской аристократии, и в этой борьбе они использовали демократические, либеральные и социалистические доктрины, которые действовали как яд в нееврейских политических образованиях. Так, смертельными инъекциями еврейско-демократического христианства они разрушили Римскую империю. Сами евреи по своей религиозной и расовой сути имеют иммунитет к демократическому вирусу. Они используют естественные законы наследственности и отбора, чтобы сохранить и ярче выявлять качества своей расы. С другой стороны, "гоим" только недавно начали осознавать важность расы. Социализм - своего рода современное христианство. Он изобретен евреями для достижения их конечной цели - торжества над арийским миром. Не запоздали ли попыт-

ки его спасения? Три четверти тех, кто называет себя христианами, уже попали в тенета жидомасонства: в его руках все золотые запасы мира и три четверти мировой прессы. В любой момент Интернационал готов нанести удар в направлении, избранном Синедрионом. С созданием международной армии под командованием Лиги наций они получили главное орудие для выполнения своих планов. И все же, несмотря на смертельную опасность, надежда на спасение еще есть. Арийские народы должны отбросить свою близорукую и глупую политику и сформировать единый фронт. Как хороший охотник должен знать обычаи и свойства своей добычи, так и они должны научиться думать и действовать, как звери: только тогда охота принесет хорошие результаты. Те, кто понял настоящий смысл еврейской религии - установление мирового господства евреев - не имеют права успокаиваться: их борьба за власть должна быть хитрой и безжалостной.¹⁷⁵

Но что делать с евреями? Относительно этого Винберг вполне категоричен: единственное решение - полное физическое уничтожение. Существуют два типа антисемитизма. "Высший", состоящий в проведении ограничительных законов, изгнания и других охранительных мер, и "низший", воплощаемый в полном уничтожении. Такой антисемитизм ужасен, но он эффективен, и его последствия будут благими. Он разрушает гордые узлы проблем, уничтожая евреев, иудайзированных и все, что имеет привкус иудаизма. Этот антисемитизм исходит снизу, из глубин народа (которого в других контекстах Винберг презирал), но он получен народом от Бога. Гнездо паразитов должно быть разрушено так, чтобы и следа от него не осталось.¹⁷⁶

Винберг умер в феврале 1927 г.¹⁷⁷, не дождавшись воплощения в жизнь своих идей. Его взгляды представляют исторический интерес, так как они находятся где-то на полпути между старыми идеями "черной сотни" и национал-социализмом. Его отбрасывание христианства (при сохранении некоторых христианских мифов для частного употребления), принятие расовой теории (хотя еще в неразработанной псевдонаучной форме), его крайнее презрение к массам, к

интеллигенции, по существу ко всем, кроме "природной элиты", идеи диктатуры и коренного решения еврейского вопроса (решения более радикального, чем что-либо, открыто записанное на бумаге Гитлером или Розенбергом), - все это явно выводит его за пределы традиции правой политической мысли в России, так, как эта традиция была создана славянофилами и Победоносцевым. Идея о христианстве как предшественнике большевизма и демократической отравы была подхвачена Розенбергом в его "Мифе XX века",¹⁷⁸ как и идея об уничтожении евреев, а не просто сегрегации и снижения их влияния.

Очевидно также, что роль Винберга как предшественника нацизма была ограниченной. Его вера в монархию не позволяет квалифицировать его (как и Людендорфа) как современного фашистского мыслителя. Его отвращение к массам не подводило (в отличие от идей Гитлера) к осознанию важности и возможности политически их эксплуатировать. У Винберга и ему подобных были ясные цели, но не было ни малейшего понятия о том, как их осуществить. Винберг был сумасшедшим, но не опасным человеком. Несмотря на его немецкое происхождение, его преданность России осталась непоколебленной. Поэтому он не мог, подобно нацистским идеологам, писать о России как о стране "недочеловеков". В конечном счете, нацистская идеология основана на превосходстве германской "народности", нордической расы. Винберг, считая себя русским, не мог стать пророком мифа расовой исключительности.

Марков

В Берлине, Мюнхене, Белграде были целые стаи мыслителей и публицистов невысокого ранга, пропагандировавших подобные идеи с различным талантом, страстью и последовательностью. У них были свои газеты, журналы и издательства. Самым известным из них был, несомненно, Николай Евгеньевич Марков, в думские дни Марков II (второй). Это имя стало нарицательным в последние годы царской империи. Он был помещиком из-под Курска (родился в 1866 г.)

и представлял крайнюю правую во Второй и последующих государственных Думах, грубо оскорбляя социалистов, либералов и депутатов справа от центра. Будучи русским эквивалентом юнкера, он напал на капитализм еще более яростно и шумно, чем на социализм. Он был главным выразителем прогерманской политической ориентации, и в течение всей войны требовал сепаратного мира с Германией.

После революции Марков продолжил свою деятельность в Германии: он возглавил Русский монархический союз и участвовал в редактировании газеты "Белый орел", одного из ведущих периодических изданий того времени.¹⁷⁹ Однако в качестве писателя и идеолога Марков не слишком преуспел: его главная работа, опубликованная по-русски в Париже и в немецком переводе в годы Третьего рейха, является тревожным перечнем собраний иллюминатов, ритуальных убийств, масонских заговоров и т.п. от смерти Христа до убийства Николая Романова.¹⁸⁰ Единственная новинка состоит в трактовке роли Карла Радека как основного агента главного раввина Константинополя. В Германии имелась огромная отечественная антисемитская литература, и иностранцу трудно было пробиться с собственными писаниями. Поэтому на Маркова в Третьем рейхе почти не обратили внимания, и он провел остаток своей жизни, выступая с лекциями о русской эмиграции: разочаровывающий, хотя объяснимый конец политической карьеры для того, кто метил на роль русского Бисмарка, а то и нового Петра I.

"Призыв"

Видеологических помойках Берлина на короткое время (1919-1920 гг.) расцвела ежедневная газета "Призыв". В течение многих лет германская крайняя правая печать питалась информацией, опубликованной в "Призыве" за девять месяцев его существования.¹⁸¹ Достаточно привести такой пример: во время вооруженного пограничного конфликта между частями Красной армии и вооруженных сил Эстонии в кармане убитого красного командира Зунделя якобы был найден циркуляр главам отделов международной еврейской

организации "Сыны Израиля", в котором сообщалось, что час победы близок: "Мы накануне мирового господства".¹⁸²

Газета призывала русскую эмиграцию ориентироваться на германскую правую и не надеяться на какую-либо помощь от западных держав. Антисемитская пропаганда занимала в ней большое место. "Призыв" гордо заявлял, что является единственной эмигрантской русской газетой, не имеющей в штате евреев (заявление такого рода было несколько несообразным, ибо как можно было свести концы с концами - разговоры о жидобольшевизме и наличие большого числа евреев в эмиграции?). Редакция с негодованием отвергала обвинения в крайних взглядах: "Те, кто считает, что мы слишком крайние, должны прочитать газеты, издававшиеся в тылу белых армий. Даже конституционные демократы больше кричат, чем мы".¹⁸³ Чуть не ежедневно "Призыв" клялся в верности православию и сообщал о великом религиозном возрождении в районах России, удерживаемых белой армией. Победу контрреволюции в Венгрии и укрепление правых сил в Германии "Призыв" рассматривал как счастливое предзнаменование. Издатели газеты были вовлечены в подготовку капповского путча - попытку правых экстремистов свергнуть демократию в Германии в марте 1920 г. В результате после подавления путча берлинские власти запретили эту газету.

"Призыв" и подобные ему издания, такие как "Двуглавый орел", охотно читали специалисты по России в окружении Гитлера, как Розенберг и Шейбнер-Рихтер.¹⁸⁴ Розенберг, уже многому научившийся к тому времени от Хьюстона Стюарта Чемберлена, вряд ли одобрял сильный религиозный дух этих публикаций, но в качестве источника информации они имели для него огромную ценность.

Заслуживают упоминания некоторые члены этой группы. Генерал граф Череп-Спиридович имел свой штаб в США. Это был наиболее явственный клинический случай. В своих книгах и брошюрах он представлялся как "славянский папа", "славянский Бисмарк", "обладатель способностей предсказания (так сказал лорд Альфред Дуглас)"¹⁸⁵ и сочетал

цирковую технику рекламы с распространением рассказов, поставлявшихся ему европейскими друзьями. Нужно познакомиться с его продукцией, чтобы поверить в возможность чего-либо подобного. Однако столь известные люди как Генри Форд и столь известные газеты как "Файнэншиал Таймс" в Лондоне принимали его всерьез и помогали ему получить достаточно широкую аудиторию.

Другой генерал, Нечволодов, работал во Франции примерно в том же ключе, что и Череп-Спиридович. Князь Горчаков имел в Париже издательство, специализировавшееся на такой литературе - заговоры, ритуальные убийства и т.п. Много таких же публикаций поступало из Югославии. Евгений Брант в своем "научном" труде о ритуальных убийствах собрал в трех томах все напечатанное по этому вопросу на европейских языках.¹⁸⁶ В. Ахматов в книге, пронизанной сильным религиозным вдохновением, завершает свой текст следующими благочестивыми словами: "Во глубине души я все еще надеюсь, что в не столь отдаленном будущем встанет христианский Мессия, чтобы начать крестовый поход против еврейства".¹⁸⁷ Сходной линии придерживались "Старое время" и "Новое время", ведущие эмигрантские газеты того периода, хотя последняя была менее прогерманской, чем остальные.

В Германии князь Жевахов, биограф Нилуса, опубликовал воспоминания, в которых он даже Маркова обвинял в недостатке антисемитских страстей.¹⁸⁸ Крайне правые политики старшего возраста, такие как Крупенский или Вобринский, не заботились о писании книг и статей, как и А.А.Ширинский-Шихматов, который работал под началом Победоносцева в Священном синоде, а затем был одним из самых реакционных губернаторов в России.¹⁸⁹ Но у старого Ширинского-Шихматова был сын, Юрий Алексеевич, деятельность и дальнейшая судьба которого представляют особый интерес. Молодой Ширинский возглавлял русскую юношескую организацию "Совет национально мыслящей русской молодежи за границей" в Берлине и Мюнхене. В периодическом издании этой группы он писал под псевдонимом Лукьянов, высказывая еретические возражения

против иностранной интервенции в Россию и требование создать "революционное монархическое движение" (что бы это могло означать?). Молодой Ширинский-Шихматов был лидером берлинских монархических и крайних правых организаций, и от их имени вел переговоры с посетившим его в ноябре 1922 г. неким А. А. Якушевым (или Федоровым), который (как Ширинский обнаружил) был совсем не советским специалистом, а представителем русской монархической оппозиции внутри России. Так началась весьма волнующая глава в истории русской эмиграции, ибо "Якушев" сдержал слово и в каждый свой визит привозил важную и представлявшуюся подлинной информацию о положении дел в России.¹⁹⁰ Русским монархистам понадобилось несколько лет, чтобы открыть, что это сотрудничество с русской "внутренней эмиграцией" было на самом деле фальшивкой, тщательно инсценированной советской политической полицией в безуспешной попытке проникнуть в ряды русской эмиграции.¹⁹¹

История этой попытки, называемой "операция Трест", не имеет прямой связи с настоящим исследованием. Пока "операция" шла, существовало подлинное сотрудничество между двумя лагерями, и через эмигрантские центры Берлина и Мюнхена в нее, видимо, были вовлечены некоторые лидеры нацистов. Похоже, Гитлер весьма рано перестал доверять политикам из русской эмиграции и предостерегал на этот счет Розенберга. Но Шейбнер-Рихтер продолжал сотрудничать с Высшим монархическим советом. По Германии пошли слухи, что у него есть прямая связь с Москвой. Командир "Фрайкорпс" (баварской национальной гвардии) капитан Эрхардт объявил в 1923 г., что через Шейбнер-Рихтера он мог установить прямой контакт с советским правительством.¹⁹² Звучит это в высшей степени неправдоподобно, но подлинного смысла происходившего, вероятно, никогда не удастся узнать, так как все участники этих событий не оставили никаких известных миру записей.

Письменная продукция Винберга и его коллег в 20-е - 30-е годы шла широким потоком. Дело не ограничивалось

Европой. Хотя все авторы разрабатывали ту же самую тему, каждый добавлял к ней какой-либо нюанс. Так, один из них, живший в Шанхае, в 1933 г. обнаружил, что не только ИМКА (Ассоциация молодых католиков), но и бойскауты и баптисты вдохновляются жидомасонским интернационалом.¹⁹³ Кое-какие из этих идей пережили вторую мировую войну. В начале 50-х годов еще случалось услышать эхо "антисатанизма", как тогда было принято называть это движение. Его глашатаи в русской правой эмиграции заявляли на этот раз, что они не против евреев как таковых, а против темных сил, скрывающихся за еврейством, а также против евреев-ассимилянтов.

Шварц-Бостунич

Один из проповедников "окончательного решения" прошел весь путь к полному приятию гитлеризма и самоотождествлению с нацистским движением. Он стал доверенным лицом Гимmlера и другом Гейдриха, Олендорфа и Карла Вольфа и занимал высокие должности в СС. Чтобы достигнуть этого, недостаточно было принять нацистскую идеологию, надо было отречься от русского происхождения и назвать себя "фольксдейч" ("немцем по рождению"). Случай Григория Шварца-Бостунича имеет определенный интерес не только как выражение политической психопатологии, но и как свидетельство "органической связи" между "черной сотней" и нацистским движением.

Бостунич родился в 1883 г. в Киеве в зажиточной семье.¹⁹⁴ Он изучал право и с молодых лет специализировался на антисемитизме и антимасонских "исследованиях". В гражданскую войну он был пропагандистом сначала в армии Деникина, затем в армии Врангеля. После их поражения он эмигрировал в Белград, а затем, в начале 20-х годов, поселился в Германии. Первыми его публикациями были комментарии к "Протоколам" и книга о масонстве.¹⁹⁵ В конечном счете, после 1917 г. он полностью посвятил себя изучению тайных обществ и оккультных сил, несших бедствия арийским народам,¹⁹⁶ и стал наиболее плодовитым автором антиезуитской, антиантропософской и антимасонской тематики. Кроме того,

он вырабатывал философские аргументы для штрейхеровского "Штурмера", изучая роковую привлекательность еврейских мужчин для германских женщин и повествуя об ужасных последствиях связей между ними.¹⁸⁷ "Немногие мои друзья и мои многочисленные враги знают отлично, - писал он в 1933 г., - что я совершенно неуязвим, ибо все мои источники точны, и каждую строчку написанного мной я могу подтвердить".¹⁸⁸ Бостунич специализировался в прослеживании масонско-иудейских символов в истории, и поскольку, по его словам, масоны и евреи пользовались не только кругом, треугольником, четырехугольником, но также и крестом, пятиугольником, шестиугольником и даже свастикой, лишь очень немногие знаки и изображения в печати свободны от их пагубной хватки. Для историко-философских конструкций Шварца-Бостунича типичны комментарии по поводу где-то найденной им картины с изображением змеи (еще один несомненный иудео-масонский символ), проецированным на карту Европы. Эта змея символизировала успешность еврейского племени в подрыве государств, препятствовавших евреям обрести власть над миром: Афины в 429 г. до н.э., Рим эпохи Августа, Мадрид времен Карла У, Париж при Людовике XIV (примерно 1700 г.), Москва в 1917 г. (Аллегория змеи играла большую роль в русской антисемитской литературе и была импортирована в Германию в 20-е годы. Это было изобретением российского выкреста Лютостанского, жившего во второй половине XIX века. Он был католическим священником и стал видным антисемитом, а в конце жизни предложил еврейской общине за соответствующее вознаграждение публично разоблачить все, что он ранее написал против евреев.)

Бостунич не внес никакого оригинального вклада ни в антисемитскую, ни в антимасонскую литературу, но он собирал все измышления, накопившиеся за многие века в различных странах. Вероятно, он искренне верил, что все появившееся в печатном виде, даже ложь, становится научной истиной. Он систематически прочесывал сточные каналы европейской литературы в поисках потребного его хозяевам в СС, но даже у них возникали сомнения по поводу его методов. Когда во время второй мировой войны возникла идея присвоить ему

профессорское звание, несколько главарей СС, в том числе Олендорф, имевший некоторую академическую подготовку, высказались в том смысле, что его методы не совсем научны. Ни один германский университет не изъявил соответствующей готовности, и Григорий Бостунич стал просто почетным профессором СС.¹⁸⁹

Обращение Бостунича к национал-социализму было постепенным, хотя позднее он доказывал, что был борцом "движения" с 1923 г. Однако для его современников в 1923 г. он был всего лишь одним из русских эмигрантов, опубликовавшим антисемитскую пьесу на родном языке, которая заканчивается тем, что еврей Цадок (главарь ЧК у Дзержинского) распинает на кресте ребенка, сына русского генерала.²⁰⁰ Примерно в 1925 г. Бостунич познакомился с Розенбергом и стал работать для субсидируемого им агентства печати "Вельтдинст". Из Бостунича он превратился в Шварц-Бостунича и начал писать на несколько хромающем немецком языке. В отличие от многих своих современников в крайне правом крыле, он не остался в окружении Розенберга, а отдал свою привязанность Гиммлеру и СС. Это был умный политический шаг, так как влияние Розенберга было близко к закату, тогда как звезда Гиммлера быстро восходила.

Почему СС, самая элитарная из нацистских организаций, удостоила этого сумасшедшего русского полунинвалида в 1935 г. чина гаупштурмфюрера, а в 1944 г. - штандартенфюрера, что было довольно высокой оценкой для идеологического работника? На Гиммлера производила впечатление фанатическая личная преданность идее, которую Шварц-Бостунич неуклонно демонстрировал. "Мы все полюбили вас", - писал ему Гиммлер в 1935 г.²⁰¹ Со своей стороны, Бостунич при каждом удобном случае подчеркивал, что он связан с "чудесной СС" не на жизнь, а на смерть. Бесчисленное число раз он подтверждал свою неугасимую верность Гиммлеру и другим руководителям СС. Несомненно, у Бостунича было некое старомодное австро-украинское обаяние, несомненно, что он был отличным рассказчиком и имел большой спрос в качестве лектора, хотя его немецкий не был безупречным. Он совершал

поездки по всей Германии, а позднее по некоторым оккупированным территориям со стандартными лекциями о еврействе и масонстве. Он явно был сумасшедшим, с ранних лет он испытывал жажду доноительства и, что еще более удивительно, открыто этим похвалялся.²⁰² В письме в штабквартиру СС он писал, что он сообщает о врагах государства, где бы он их ни находил, и есть немало свидетельств, подтверждающих, что так оно и было. Он постоянно ощущал себя преследуемым и в начале войны шеф гестапо Гейдрих приставил к Бостуничу в качестве телохранителя профессионального вышибалу. Когда сотрудники гестапо в отсутствие Бостунича вошли в его дом для рутинной проверки, тот немедленно воззвал к Гиммлеру с просьбой защитить его от "масонской интриги".

К концу 30-х годов Бостунич стал одним из ведущих специалистов СС по еврейскому вопросу и высшим авторитетом по борьбе с масонством.²⁰³ Однако к концу войны его фанатизм оказался чрезмерным даже для Гиммлера, который сказал Бостуничу, что официальная линия в отношении масонства меняется, поэтому его лекции в будущем должны подвергаться цензуре и ему не следует появляться на публике в мундире СС. Это было тяжелым ударом для Бостунича, и до самого конца войны он вел борьбу за отмену этого приказа. Он также пытался найти под Берлином безопасное место для своей уникальной библиотеки по еврейству и масонству, содержащей 15 тыс. томов. Кроме того, он старался убедить Гиммлера принять меры против курения в общественном транспорте возвращавшихся с фронта солдат и для ускорения доставки почты. К тому времени у Гиммлера были заботы поважнее. Бостунич на седьмом десятке и в плохом состоянии здоровья был предоставлен самому себе, когда пришел конец войны, а с ним - победа "жидо-масонских сил".

Случай Бостунича показывает, с одной стороны, близость идеологии "черной сотни" и нацистского мышления, и в то же время весьма ясно обозначает границу между ними. Нацизм с его принципом расовой исключительности не мог принять в свои ряды русских (и каких-либо других немцев), как

бы ни были они близки идеологически. Немногие смогли, подобно Бостуничу, сделать для вступления в ряды нацистов столь решительный шаг - стать "расовыми германцами". Этим путем не могло пойти сколько-нибудь значительное число людей.

Влияние "черной сотни" на нацизм ограничено ранним периодом гитлеровского движения. В Германии была давняя отечественная традиция пангерманизма и антисемитизма, и можно полагать, что Гитлер вообще не нуждался в содействии извне. Тем не менее, он испытал сильные иностранные влияния, прежде всего выходцев из Прибалтики, бежавших из России в 1918 г., в частности Розенберга, и крайне правых русских эмигрантов, снабжавших нацистов как идеологическим оружием, так и материальной помощью. Под их влиянием в Германии сложилось крайне искаженное представление о русской революции, о России и о евреях, которое воспринял Гитлер и миллионы немцев. Позднее это повлияло на политику нацистов в отношении Советского Союза и на "решение" еврейского вопроса. В ходе второй мировой войны эти бредовые фантазии стали реальностью в лагерях массового уничтожения.

Перевод Вадима Меникера

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ "Апокалипсис нашего времени" (франц.), Париж, 1939. "Секретные беседы Гитлера", стр. 602. Единственный автор, обративший внимание на огромную роль "русских корней" национал-социализма - Анри Роллен. Эта работа исключительно важна для изучения вопроса о происхождении и распространении "Протоколов сионских мудрецов", и все же она почти совершенно неизвестна, так как была опубликована незадолго до вторжения нацистов во Францию, в результате чего большая часть тиража книги была уничтожена. Я весьма благодарен профессору Норману Козну, изучавшему происхождение "Протоколов", за то, что он сообщил мне об этой книге. Насколько мне известно, Роллен был первым, кто подчеркнул значение "послания", привезенного из России в Германию такими людьми, как Винберг и Шабельский-Борк. Книга Роллена, содержащая огромный документальный материал, имеет и очевидные недостатки: автор хорошо ориентируется в событиях, происходивших в России и во Франции, но с германскими делами знаком меньше. И все же эта работа, опубликованная зимой 1939 г., обладает большей ценностью, чем многое из литературы о нацизме, появившееся после второй мировой войны; весьма огорчительно, что она не была переиздана и не переведена с французского.

² Князь Н.Д.Жевахов. *Сергей Александрович Нилус: краткий очерк жизни и деятельности*. Новый Сад, 1936. стр. 67, 69.

³ *Mein Kampf* (первое издание, 1925, т. 1, стр. 231); E. Deuerlein, *Hitler's Eintritt in die Politik und die Reichswehr* в: *Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte*, VII, 1959, стр. 177-227.

⁴ В первых партийных циркулярах для внутреннего пользования (папка 97 в Берлинском документационном центре) вопрос о коммунизме вообще не фигурирует.

⁵ Издано в Мюнхене в 1924 г. Фактически беседы были записаны в 1922-1923 гг. Было объявлено о выходе второй части книги,

но она так и не вышла. Экарт умер в 1924 г., когда Гитлер сидел в тюрьме в Ландсберге. В 1942 г. Гитлер сказал об Экарте: "Он сверкал в наших глазах, как северная звезда...В то время я в интеллектуальном отношении был еще зародышем, не вышедшим из пробирки" ("Тайные беседы Гитлера", стр. 222).

⁶ *Mitteilungen (des Verbandes fuer die Abwehr des Antisemitismus)*, September 18, 1919.

⁷ Речь в пивной. "*Deutsches Reich*", 5 февраля 1920, Akten Wiegand, папка 1315 в NSDAP Hauptarchiv.

⁸ *Auf Gut Deutsch*, No.23, August 16, 1919.

⁹ *Der Vorposten*, 1921, стр. 196: *Die Weisen von Zion, London und Berlin*.

¹⁰ Alexander Schilling; *Dr. Walter Riehl und die Geschichte des Nationalsozialismus* (Leipzig 1933), стр. 247.

¹¹ *Muenchner Post*, February 7, 1921.

¹² Ср. одно из выступлений Гитлера летом 1922 г. (*Das Buch der NSDAP*, Berlin 1934, стр. 88 и далее) с такими сочинениями Розенберга как "*Pest in Russland*" (Muenchen 1922) или "*Die Totengraeber Russlands*".

¹³ Влияние Шейбнер-Рихтера на Гитлера признает большинство историков, от одного из первых антинацистов Конрада Хейдена, который писал, что тот "совершенно потряс Гитлера и завоевал роковое политическое влияние на него" ("*Адольф Гитлер*", Цюрих, 1936, стр. 115), и до одного из более поздних описателей Г. Франца-Виллинга, которого никак нельзя обвинить в чрезмерном антинацистском уклоне. По его сообщению, после смерти Шейбнера-Рихтера в 1923 г. Гитлер воскликнул: "Всех можно заменить, его - никогда!" (*Die Hitler bewegung*, Vol.I, 1962, стр. 13)

¹⁴ C. Leonard Lundin, *The Road from Tsar to Kaiser: Changing loyalties of the Baltic Germans, 1905-1914* - в: *Journal of Central European Affairs*, October 1950.

¹⁵ Ни Шейбнер-Рихтер, ни Розенберг не принадлежали к аристократическим семьям. Первый приобрел приставку "фон" и двойную фамилию, женившись на Матильде фон-Шейбнер (которая, кстати, была старше мужа на 18 лет).

¹⁶ Lundin, цит. раб., стр. 234-235.

¹⁷ E.F. Sommer, *Die Einigungsbestrebungen der Deutschen im Vorkriegs-Russland (1905-1914)* стр. 64; *"Deutschbalten und die Vergiftung des deutschen Volkes"* в *Mitteilungen (des Verbandes für die Abwehr des Antisemitismus)*, November 24, 1921, стр. 143.

¹⁸ Хейден (указ. соч., стр. 115) ошибочно называет его актером по профессии. Аллен Баллок ("Гитлер") полагает, что он был русским агентом, перешедшим на сторону Германии в ходе первой мировой войны. Даже историк сравнительно недавнего времени (Г. Гофман, *Гитлеровский путч*, нем. Мюнхен, 1961) называет его пожилым уроженцем Восточной Пруссии, и это неверно.

¹⁹ Биография Шейбнер-Рихтера, написанная другом, полностью посвящена его деятельности во время первой мировой войны. Ее выпустило в годы третьего рейха провинциальное издательство: *Пауль Леверкюн. На вечном посту. Из бурной жизни Макса фон Шейбнер-Рихтера*, нем. Эссен, 1938. Автор был вторым лицом немецкой дипломатической службы в Турции в годы первой мировой войны и агентом разведки - во второй мировой войне. В книге он сравнивает Шейбнер-Рихтера с "германскими Лоуренсами" - Вассмутом, фон Хентигсом и др.

²⁰ В романе Ричарда Хьюза "Лиса на чердаке" одна из героинь, Наташа, встречавшая Шейбнер-Рихтера на вечеринках, говорит о нем: "Бедный Макс-Эрвин, он был таким очаровательным" (стр. 225).

²¹ Шикеданц впоследствии стал видным идеологом нацизма. В книге "Социальный паразитизм в народной жизни" (1927) он строго следовал теориям, разработанным Розенбергом. Согласно Отто Штрассеру (интервью с автором, Мюнхен, май 1962 г.), в 20-е годы Шикеданц ссорился с Розенбергом, но это не помешало ему стать правой рукой Розенберга сначала в "Фолькшпер беобахтер", а позднее - в администрации оккупированных территорий России. Шикеданц был назначен нацистским губернатором района Кавказа и Кубани, но так и не прибыл на место назначения. В 1945 г. он вместе со всей своей семьей совершил самоубийство.

²² Leverkuehn, стр. 183.

²³ "Die Bolschewisierung Deutschlands" в: *Aufbau*, September 21, 1923.

²⁴ "Bericht über die russische monarchistische Organisation in der Emigration". Это подробный отчет, датированный 18 октября 1935 г. и адресованный Гиммлеру генералом Бискупским или одним из его близких сотрудников. Далее "отчет". См. документы Бискупского или о нем в Национальном архиве, Вашингтон.

²⁵ Там же. См. письмо Бискупского Шикеданцу от 22 марта 1933 г.

²⁶ Сообщение о собеседовании представителя национал-социалистической партии с Шейбнер-Рихтером. Архивы NSDAP, 4.4.1936.

²⁷ Согласно внутреннему меморандуму баварских властей, в распоряжении Шейбнер-Рихтера были "огромные суммы". Авторы документа не исключают возможности, что гитлеровский путч каким-то образом косвенно поддерживала Москва. "Москва получает выгоды от борьбы фашистов против национального правительства Баварии. Тактикой Москвы всегда было поощрение преждевременных акций "белых". Сближение коммунистов и "популистов" в Берлине в августе 1923 г. еще живо в памяти, равно как и братание нацистов и

коммунистов в Мюнхене после путча". Автор обращает внимание на то, что в шейбнер-рихтеровском "Союзе борьбы" много бывших коммунистов, и на участие в нем многих недавних пришельцев из бывших прибалтийских провинций России ("Документы государственного Министерства внешних сношений", датировано примерно 15 ноября 1923 г., перепечатано в сборнике "Гитлеровский путч" под редакцией Дюрлейна, стр. 386-390). Эти подозрения скорее всего необоснованы. Интересно, однако, что они вообще могли возникнуть и попасть в секретный доклад.

28 Vorwaerts, June 9, 1921.

29 См. например, статью об иностранных искателях концессий, Aufbau, August 25, 1923.

30 Aufbau, April 21, 1922. Точно такой же аргумент привел Розенберг в своем сочинении "Pest in Russland", стр. 86.

31 Aufbau, July 26, 1922.

32 Там же. 25 августа, 21 сентября, 18 октября 1923 г.

33 Там же. 1 ноября 1922 г.

34 Там же. 29 сентября 1923 г.

35 Там же. 21 сентября, 25 октября 1923 г.

36 "Die Rote Armee", Voelkischer Beobachter, March 23, 1923.

37 Текст меморандума Шейбнер-Рихтера приведен в книге "Hitler und Kahr" (под редакцией Вильгельма Хегнера), часть II, 1928, стр. 12-14.

38 Bayerischer Kurier, October 5, 1923. Выступление Гитлера в защиту Шейбнер-Рихтера напечатано в сборнике под редакцией Эрнста Дюрлейна "Der Hitlerputsch" (1962), стр. 201-205.

39 Сообщение Матильды фон Шейбнер - Рихтер от 3 апреля 1936 г.

40 H.N. Hofmann, *Der Hitlerputsch*. Мюнхен. 1961.

41 Тезисы выступления содержатся в циркуляре (без названия), один из экземпляров которого хранится в архиве национал-социалистической партии Германии.

42 Полтавец-Острица. См. "Идеология украинского свободного казачества" (Мюнхен, 1936) - один из безумнейших документов украинских авторов. Полтавец-Острица на протяжении многих лет пользовался расположением и поддержкой нацистов из прибалтийских республик.

43 Отчет Бискупского Гиммлеру.

44 Беседа с Отто фон Курселем.

45 Введение Тило фон Троты к сочинению А. Розенберга "Blut und Ehre", Berlin 1939, стр.7.

46 Согласно личному делу Розенберга (№1259 в Берлинском центре документации), один из его дедов, Мартин Рос, был латышского происхождения, а одна из бабок, урожденная Сир, прибыла из Франции. Ходили также слухи о его еврейских и монгольских предках.

47 См. "Rote Fahne", October 30, 1930.

48 *Memoirs of Alfred Rosenberg*. New York 1949, стр.20.

49 Там же, стр. 24.

50 "Nirwana und Persoenlichkeit" в: *Schriften und Reden*, т.1; *Schriften aus den Jahren 1917-1921*, Munich 1943, стр.12, 16, 20.

51 *Schriften un Reden*, т. I, стр. 71.

52 Там же, стр. 77.

53 Эта идея получила широкое хождение ранее во Франции, в период дела Дрейфуса.

54 "Das Verbrechen der Freimaurerei", в *Schriften und Reden*, т. 1, стр. 585.

55 *Mythus des zwanzigsten Jahrhunderts* (издание 1930 г.), стр. 601.

56 Dietrich Eckart: *Ein Vermaechtnis*, Munich 1935, стр. 45.

57 *Memoirs of Alfred Rosenberg*, стр. 48, 62.

58 Там же, стр. 70-71.

59 *Schriften und Reden*, т. I, стр. 79 (написано в июне 1918 г.).

60 Voelkischer Beobachter, July 17, 24, August 4, 21, November 26, 1921.

61 "Schicksalwende in London", Voelkischer Beobachter, March 6, 1921.

62 "Vernichtung und Verhoehnung deutscher Arbeiter", там же, 29 марта 1922 г.

63 "Von Brest Litowsk nach Versailles", там же, 8 мая 1921 г.

64 Voelkischer Beobachter, April 7, 1923, October 5, 1921 - цитирует "Русскую трибуну" (Цюрих), "Украинского казака" (Львов) и "Новое время" (Белград).

65 "Erkenntniskritik und Marxismus", Voelkischer Beobachter, July 12, 1922.

66 "Unmoral in Talmud" и "Die Spur des Juden im Wandel der Zeiten" (1920); "Das Verbrechen der Freimaurerei" (1921); "Pest in Russland" и "Der Staatsfeindliche Zionismus" (1922); "Wesen, Grundsätze, und Ziele der NSDAP" и "Die Protokolle der Weisen von Zion" (1923).

67 Alfred Levin, *The Second Duma* (1940), стр. 23.

68 N. Markov, *Der Kampf der dunklen Maechte* (Erfurt 1935), стр. 4.

69 "Союз русского народа" (ред. А. Черновский), Москва, 1929, стр. 411. Это очень важный сборник документов о деятельности Союза. В нем напечатаны также протоколы допросов ведущих деятелей Союза, которым они были подвергнуты летом 1917 г. Показания Маркова II, данные им в июле 1917 г. см. в: "Падение царского режима" т. VI, Москва, 1926, стр. 175-265.

Заслуживает внимания тот факт, что за исключением одного сборника документов и некоторых дополнительных материалов, которые можно найти в нескольких других источниках, в Советском Союзе нет ни одной комплексной работы о Союзе русского народа, черной сотне и вообще о крайней правой, несмотря на то, что Ленин в своих трудах неоднократно упоминал их.

70 С. Любош, *Русский фашист* (Ленинград 1925). Эта короткая биография Пуришкевича дает возможность четко определить его политические взгляды. На обложке книги нарисована свастика, а книга вышла, когда этот символ был еще мало известен вне границ Германии. С другой стороны, эта книга - справедливое свидетельство о человеке, который за десять лет до того, как фашизм стал политическим движением в Европе, задал определенный тон, заявив о себе, что он и умственно и нравственно на голову выше других крайних правых.

71 Описание заговора, данное Пуришкевичем, было впервые опубликовано в Киеве, а затем во многих иностранных изданиях, последним было парижское в 1953 г. С политической точки зрения наиболее интересен "Дневник", изданный в Риге в 1924 г., в котором также говорится о заговоре против Распутина.

72 Об отношении Черной сотни к революционному движению пишет А.А. Майков в книге "Революционеры и черносотенцы" (С.Петербург, 1907), об их отношении к интеллигенции и

государственным чиновникам см. Б. Назаревский "Бюрократия и интеллигенция" (Москва 1907), о национальной проблеме в России см. А. Будилович "По вопросу об окраинах России" (С. Петербург 1906). Существует также большая литература о евреях и масонах - см. например А. Лавров-Калужский, "Дружеский совет евреям" (С. Петербург 1906) и др.

⁷³ "Русское знамя" (газета Союза, которую редактировал А. Дубронин), 11 января, 25 января, 8 февраля 1912 г. См. также журнал Союза "Земщина" от 18 января 1912 г.

⁷⁴ Выступление в Думе 18 апреля (цитируется по книге Alexander V. Tager, *The Decay of Czarism*, Филадельфия, 1935, стр. 44.). В некоторых сочинениях расовые мотивы переплетаются с религиозными. Так, в программе Русской народной партии - группы, близкой к Союзу, указывается, что еврейская религия антигуманна, а расовые черты еврейской нации придают ей паразитический характер.

⁷⁵ Немногие из современников смогли сказать доброе слово о Дубровине. Так, Никольский, видный член Русского собрания, называет его в своем дневнике "грубым, противным животным и мерзким паразитом".

⁷⁶ О социальной структуре Союза см. В. Левицкий, "Правые партии" в сборнике: "Общественное движение в России в начале 20-го века", т. III (С. Петербург 1914).

⁷⁷ Reinhart Maurach, *Russische Judenpolitik* (Berlin 1939), стр. 382.

⁷⁸ Илиодор одно время был ближайшим другом Распутина, но поссорился с ним и был расстрижен в 1912 г. за непослушание, в том числе за публикацию весьма компрометирующей переписки царской семьи с ее исповедником, и бежал за границу. См. его памфлет о Распутине "Святой черт" (М. 1917).

⁷⁹ J.S. Curtiss, *Church and State in Russia* (New York 1940), стр. 210. Профессор Картисс, пользуясь редкими источниками, подробно рассматривает чрезвычайно комплексные отношения

между православной церковью и радикальными правыми организациями.

⁸⁰ Вера и разум, декабрь 1907, стр. 859, Картисс, стр. 269.

⁸¹ Левицкий, стр. 381.

⁸² Маурах, цит. раб.

⁸³ Г. Бутми в "Союз русского народа". Книга Бутми вышла, что весьма символично, в издательстве для глухонемых.

⁸⁴ Программа Союза русского народа "в: "Красный архив", I, 1927 г. Интересно, что в этом закрытом документе, предназначенном лишь для внутреннего пользования, не содержалось анти-еврейской пропаганды.

⁸⁵ "Заговор монархической организации В. М. Пуришкевича" в: "Красный архив" I (26), 1928, стр. 169.

⁸⁶ Программа партии была опубликована в Ростове в 1919 г. Она цитируется в книге: Григорий Шварц-Бостунич. *Еврейский империализм*, нем., стр. 409. Автор не смог найти копию оригинала программы.

⁸⁷ В. Деникин, *Очерки русской смуты*, т. У, стр. 161.

⁸⁸ Деникин, У, 160.

⁸⁹ Впоследствии Комиссаров работал на ГПУ (см. В. Бурцев, *Протоколы сионских мудрецов*. Париж, 1938, стр. 88). Комиссаров был одним из главных организаторов погромов 1905 г. Он был осужден за это Первой Думой и вынужден на какое-то время оставить депутатское место. Позднее Комиссаров был оправдан и назначен офицером охраны Столыпина, а затем заботился о благополучии Распутина, что не помешало ему участвовать в безуспешной попытке отравления старца. См. длинное и подробное свидетельство

Комиссарова в третьем томе "Падения царского режима".

⁹⁰ Деникин, У, стр. 159.

⁹¹ А. Netchvolodov, *L'Empereur Nicolas II et les juifs* (Paris 1924, стр. 251).

⁹² См. листовки, приведенные в работе Н.Б.Шехтмана "Погромы добровольческой армии на Украине", Берлин 1932, стр. 21, 263-264. Одна из них, датированная 24 ноября 1918 г., была издана группой монархистов, сформированной герцогом Люхтенбергом на оккупированной немцами Украине. Члены этой группы позднее выплыли на поверхность в Мюнхене. Там они принадлежали к кругу русских эмигрантов, поддерживавших гитлеровское движение.

⁹³ Там же, *Толос к русскому народу Южной армии*".

⁹⁴ "Донские ведомости", перепечатано в работе Шехтмана, стр. 265.

⁹⁵ Согласно Розенбергу (*Чума в России*, Мюнхен, 1922, стр. 41), Красную армию удерживали от распада евреи, которым помогали китайские торговцы шелком (sic) и латыши.

⁹⁶ Позднее раздавались жалобы, что на врангелевской территории было запрещено распространять "Протоколы" (см. заметку А.Доронина в "Возрождении" от 6 ноября 1934 г.).

⁹⁷ *Pest in Russland*, стр.31.

⁹⁸ В это верил, например, В. Шульгин (подробнее о нем - ниже). См. его "Что нам в них не нравится", Париж, 1930, стр. 268-269.

⁹⁹ Чарльз Э. Кофлин, популистский проповедник в США в 30-е годы, создатель антисемитской и антидемократической Христианской лиги в штате Мичиган. Проповедовал по радио и через свою газету "Социальная справедливость". - Примечание переводчика.

¹⁰⁰ См. напр. Г.Л. Розанов. *Германия под властью фашизма*" Москва, 1961, стр. 24-26. Такого рода высказывания были опровергнуты как несоответствующие действительности.

¹⁰¹ *The German-Bolshevik conspiracy*. Опубликовано Комитетом по общественной информации (октябрь 1918), стр. 27.

¹⁰² См. главу 2 *The Sisson papers* в: George Kennan, *Russia Leaves the War* (London 1956).

¹⁰³ Макс Варбург протестовал в 1922 г. против этих обвинений через суд, и германский журнал "Дер Хаммер" вынужден был отказаться от них.

¹⁰⁴ Донесение генерала Нокса военному министерству, "Россия". Сборник сообщений о большевизме в России (англ.), №1, Лондон, 1919, стр.41. Генерал-майор Альфред У.Ф.Нокс возглавлял британскую военную миссию в Сибири. Его доклады оказали сильное влияние на кабинет в Лондоне. Брюс Локкарт писал о нем Бальфуру, что "его полное непонимание ситуации было одной из главных причин наших неудач в России" (письмо из Москвы от 31 марта 1918 г.) См. документы Мильнера в: Ричард Ульман. *Интервенция и война* (англ.), Принстон, 1961, стр. 133.

¹⁰⁵ См., например, статью генерала Дитрикса в *Revue des deux mondes*, август 1920, книгу Роберта Уилтона, *Последние дни Романовых* (англ., см. ниже), а также статьи в "Тан", "Морнинг пост" и других ведущих периодических изданиях Европы. См. также главы 2-4 в: Анри Роллен. Указ. соч.

¹⁰⁶ О деятельности Освага см.: Александр Дроздов. *Интеллигенция на Дону*. в: "Архив русской революции", т. II, стр. 50-57. Типичный антисемитский плакат, распространявшийся Освагом и воспроизведенный в указ. соч. Шварц-Бостунича (стр. 107), изображает Троцкого как "красного дьявола", возвышающегося над кремлевской стеной и горой черепов. Шварц-Бостунич (о нем см. ниже) был сотрудником Освага, а затем политическим комиссаром в армии Врангеля. В

Освага, а затем политическим комиссаром в армии Врангеля. В 20-е годы он стал одним из руководителей СС.

¹⁰⁷ В. Шульгин, *1920 год*. София, 1922, стр. 7-14. Шульгин, несомненно, был наиболее одаренным журналистом правых. Это понимал советский автор Давид Заславский (см. его «Рыцарь "черной сотни" В.В.Шульгин», Л-д, 1924). Вряд ли Заславский мог ожидать, что через 30 лет имя Шульгина появится рядом с его собственным в той же газете. В «Письме русским эмигрантам» (М., 1961) Шульгин цитирует послание от человека (Д.Заславский?), который был когда-то его врагом, но теперь, после «обращения» Шульгина, приветствует его возвращение на родину.

¹⁰⁸ Жевахов, цит. раб. стр. 35.

¹⁰⁹ Mitteilungen, February 1, 1905.

¹¹⁰ Wilhelm Muller, *Politische Geschichte der Gegenwart* (1881); Harold Frederic, *The New Exodus* (London 1892) считает, что антисемитская пропаганда в России началась за несколько месяцев до начала подобной кампании в Германии, однако волнения в Германии продемонстрировали, «какие практические средства могут быть использованы и в России», стр. 115.

¹¹¹ С. М. Дубнов. *История евреев России и Польши*. т. I, стр. 57, 95. По Дубнову, бацилла германского антисемитизма заразила радикальную российскую интеллигенцию. Дубнов также отмечает, какое влияние германский антисемитизм оказал на Ивана Аксакова.

¹¹² Der gefaehrdete Wiederaufbau (Berlin 1925).

¹¹³ *Manifest an die Regierungen und Voelker der durch das Judentum gefaehrdeten christlichen Staaten laut Beschluss des Internationalen Kongresses zu Dresden, 1882-1883* (Chemnitz 1883) стр. 4.

¹¹⁴ О русской расистской группе (Союз христианских социалистов) впервые упомянул Горький в «Новой жизни» 20

превосходство арийской расы, выступая под лозунгом: «Антисемиты всех народов и стран, соединяйтесь!».

¹¹⁵ *Manifest*, стр. 10.

¹¹⁶ У Марра было революционное прошлое: в молодые годы он был горячим последователем Вильгельма Вейтлинга. Он писал: «Гибкое еврейское легкомыслие (sic!) пропитает революцию в России до такой степени, какой мир еще, вероятно, не видывал никогда». См. «Победа еврейства над германством» (нем.), 3-е изд., Берн, 1879, стр. 34.

¹¹⁷ Flugblatt 23. Deutsch-Soziale Partei, n.d.

¹¹⁸ Flugblatt 47, Die geheimen Ziele des Judentums, n.d.

¹¹⁹ *Antisemitische Korrespondenz*, February 1901.

¹²⁰ Deutsch-Soziale Blaetter, цитируется в Mitteilungen, 1906, p. 310.

¹²¹ Опубликовано в Берне в 1886 г. Возможный автор - еврей-выкrest из Румынии по фамилии Миллинер.

¹²² Первая международная еврейская организация нового времени, основанная в 1860 г. на волне международных протестов против дел о ритуальном убийстве в Сирии и Италии. В настоящее время помогает школьному образованию евреев на французском языке. - Примечание переводчика.

¹²³ Enthuellungen, стр. 223.

¹²⁴ «Judenheit und Politik» в *Auf Gut Deutsch*, 17/18, June 13, 1919.

¹²⁵ «Миттелюнген», 16 апреля 1919 г. Тема была поднята «Штаатсбургерцайтунг» от 3 февраля 1918 г., где происшедшее в России квалифицировалось как победа «всееврейского коммунизма». Между эпохой Штокера и революцией 1917 г. идея тождества интересов евреев и революционеров разрабатывалась во многих книгах и брошюрах. Самой объемной

является, вероятно, работа чешского священника Рудольфа Врбы "Революция в России" (нем. 1907-1908) в двух томах. Врба собрал все, что до него было написано по этому вопросу, включая, конечно, "Речь главного раввина".

126 Количество книг и брошюр, опубликованных на эту тему в 20-е и 30-е годы поистине впечатляюще.

127 Цитируется в работе Картисса, стр. 92.

128 *Луч света*, т. III, май 1920 г., стр. 240. Первые линии московского метро были построены в 30-е годы.

129 См., например, издание Г. Бутми (1906).

130 Среди них Брафман, *Книга кагала* (С.Петербург 1882).

131 Издания Бутми появились в первом десятилетии века, Нилуса - в 1905, 1911 и 1917 гг. (последнее - за несколько дней до Февральской революции).

132 Жевахов, цит. работа, Показания Дю Шайла в "Последние новости", Париж, 1 мая 1921 г. и на процессе в Берне в 1935 г.

133 Schwartz-Bostunich, *Juedischer Imperialismus*, p.359. См также предисловие А.П.Роговича к "Протоколам..." (Берлин 1921), стр. 6-7.

134 По сообщению Жевахова, Нилус умер в 1930 г. в пригороде Москвы.

135 *Die Geheimnisse der Weisen von Zion*. Первое немецкое издание. Шарлоттенбург, 1919.

136 *Die zionistischen Protokolle*. Пятое издание, Лейпциг, 1924.

137 *Die Protokolle der Weisen von Zion und die juedische Weltpolitik*. Мюнхен, 1923.

138 Полное разоблачение фальшивки было опубликовано в "Таймс" в 1921 г.

139 Gwyer, цит. раб. стр. 127.

140 С.А. Loosli на процессе в Берне (1935). См. также Alexander Stein. *Adolf Hitler - Schueler der Weisen von Zion* (Karlsbad, 1936).

141 Biskupsky, "Bericht"; *Der Kampf*, Munich, June 10, 1921.

142 *Vorwaerts*, June 9, 1921; *Rote Fahne*, June 9, 1921; *Neue Zuercher Zeitung*, June 12, 1921.

143 "Руль", 8 июня 1921 г. *Голос России*, 5 июня 1921 г. Протоколы конференции не были опубликованы, однако содержание основных выступлений было изложено в четырех номерах "*Дауглавого орла*" (с 15 мая по 1 июля 1921 г.).

144 *Der Kampf* (Munich), June 7, 1921; *Schlesische Zeitung*, July 2, 1921; *Koenigsberger Allgemeine Zeitung*, June 30, 1921.

145 *Frankfurter Zeitung*, June 7, 1921.

146 *Muenchener Neueste Nachrichten*, June 6, 1921.

147 *Reichswart*, May 28, 1921.

148 Осведомительный отчет "Оргэш" ("Организация Эшерих" баварской национальной гвардии) от 10 июня 1921 г. Марков не совсем оправдал доверие, оказанное ему германской правдой: в думские дни он был ярким сторонником Германии, но после Рейхенхалля перешел в профранцузский лагерь, и только в 1929 г. вернулся к Кириллу, а заодно и к нацистам. Римский-Корсаков был до 1917 г. одним из рупоров Союза русского народа (см. Программа Союза русского народа, "Красный архив", 1/20/1927).

149 Александр Захарович Силаев, бывший полковник царской армии и вице-губернатор Херсона при Врангеле, в беседе с

Борисом Николаевским в Нью-Йорке 22 декабря 1947 г. Согласно тому же источнику, Гитлер одно время скрывался в доме Бискупского, и жена Бискупского, известная певица, заложила часть своего жемчуга, чтобы дать Гитлеру возможность бежать. Автор склонен полагать, что здесь память изменила Силаеву: это Виктория Федоровна, жена претендента на трон Кирилла, продала часть своих драгоценностей, чтобы помочь только что народившемуся нацистскому движению.

150 Biskupsky, "Bericht" to Himmler.

151 См. Снессарев. *Кирилл Первый, император Кобурга*. Этот отчет, весьма разоблачительный и нанесший адресату немалый ущерб, был написан известным журналистом, который одно время тесно сотрудничал с "кобургским" кругом и Бискупским, но затем разошелся с ними. Книга полна поношений, но есть в ней немало явно подлинного. Снессарев и прежде наносил ущерб престижу русской правой: в 1913 г. он порвал с "Новым временем", ведущей газетой правых, редактором которой он был, и предал гласности немало скандальных подробностей об их коррумпированности.

152 Докладная записка о разговоре с Бискупским, датированная 8 сентября 1939 г. в: Records of the National Socialist German Labour Party, T-81, roll 11, National Archives, Washington.

153 Она издавала в Петербурге черносотенное периодическое издание "Свобода и порядок", предназначенное для рабочего класса и финансируемое местной полицией. Она также печатала статьи в дубровинском "Русском знамени". Финберг называл ее "святейшей и чистейшей из русских женщин". Незадолго до смерти Распутина Шабельская-Борк пыталась уговорить его покинуть Петроград для блага России и царской семьи.

154 Отчет прокурора о деле Шабельского-Борка (1922 г.) хранится в берлинском муниципальном архиве.

155 Шабельский-Борк в 1933 г. получал ежемесячную плату за

услуги по ведомству Розенберга. В том же году он принимал участие в создании Русского нацистского движения (письмо к Шикеданцу от 14 марта 1933 г. - Национальный архив, Вашингтон). На заре нацистской эпохи Таборитский подавал прошения на разные должности, но был отвергнут нацистами как "ненадежный человек". В 1938 г. он стал помощником генерала Туркула - руководителя пронацистской группировки русской эмиграции.

156 "Царица" была явно активнее в поддержке национал-социализма, чем ее муж (см. письмо Бискупского Шикеданцу от 22 марта 1933 г., Национальный архив, Вашингтон).

157 Biskupsky "Bericht" to Himmler.

158 Николай Освальдович Граф был правой рукой Пуришкевича в студенческой организации Союза русского народа - он руководил отделением Союза в Петроградском университете.

159 Снессарев, цит. раб. стр. 90.

160 О переходе части правых русских эмигрантов от прогерманской к профранцузской ориентации см. А. Булацел (один из бывших лидеров черной сотни): *На родину из стана белых*. Москва, 1924, стр. 58. В 1922 г. Марков, Ширинский-Шихматов ст., метрополит Антоний и др. переехали из Германии в Париж.

161 Biskupsky, "Bericht" to Himmler.

162 Там же.

163 Бискупский Розенбергу, 22 октября 1931 г. Розенберг Бискупскому, 30 декабря 1931 г. National Archives, Washington.

164 Некоторые русские обращались к Розенбергу "Альфред Владимирович" (см. В. Викторов, указ. соч.). Вряд ли это нравилось Розенбергу.

165 Бискупский Розенбергу с просьбой передать Гитлеру - но

не военной или политической организации. Март-апрель 1933. National Archives, Washington. Бискупский иногда говорил и о своих контактах с американцами.

166 Группировка Кирилла прекратила свою деятельность в Германии в октябре 1933 г.

167 Е. Кускова-Прокопович высказала некоторые соображения по этому вопросу в работе *Die Elemente des russischen Faschismus*, опубликованной в сборнике "*Internationaler Faschismus*" под редакцией Ц. Ландауэра и Г. Хонеггера, Карлсруэ 1928.

168 *Lagebesprechungen im Fuehrerhauptquartier*, под редакцией Хельмута Хайбера, Мюнхен 1963, стр. 114-115.

169 Такие имена как барон фон Таубе, Меллер, Шварц, фон Лампе, фон Траубенберг, фон Лихтенберг, фон Мантейфель, Гартман часто упоминались среди правых.

170 Ф. Винберг. *Крестный путь*, ч. II. Мюнхен 1921, стр. 94.

171 Его главное сочинение начинается одой Николаю II.

172 См. его показания на следствии. *Красный архив*, 1 (26), 1928. См. также Роллен, цит. раб. стр. 154-158.

173 *Луч света*, март 1929.

174 *Крестный путь*, стр. 284.

175 "Великий заговор" в: "*Луч света*", 4. *Крестный путь*, глава 2. Аналогичные взгляды содержатся и в книге В.Н. Гладкого "*Жида*", Грац, 1922.

176 *Крестный путь*, стр. 240-265.

177 Дополнительные биографические данные содержатся у Н.Д. Жевахова ("*Светлой памяти шталмейстера высочайшего двора Ф. В. Винберга*" - Париж 1928 г.).

178 *Der Mythos des Zwanzigsten Jahrhunderts* (Munich 1930), стр. 202.

179 Статьи Маркова часто публиковались под псевдонимом "Той".

180 *Войны темных сил - два тома* (Париж 1928); *Der Kampf der dunklen Maechte* (Erfurt 1935).

181 Первый номер появился 22 июня 1919 г., последний вышел 14 марта 1920 г.

182 *Призыв*, 3 февраля 1920 г.

183 *Призыв*, 21 сентября 1919 г.

184 Многие статьи Розенберга в тот период почти полностью основаны на материалах этих газет. Изредка он делал ссылку на источники (например, в "*Ауф гут Дейч*", 30 декабря 1930 г.), но чаще вовсе их не упоминал.

185 См. *The Secret World Government or The Hidden Hand; 100 Historical Mysteries Explained* (New York 1926), также "*Памяти графа Череп-Спиридовича*", под редакцией Жевахова (Нью-Йорк, 1926).

186 Евгений Брант. *Ритуальное убийство у евреев* (Белград 1926-1927).

187 В. Ахматов. *Евреи и будущее мира*. (Белград 1927.), стр. 124.

188 Воспоминания. т. I (Мюнхен 1923), т. II (Новый Сад 1928).

189 Он умер в декабре 1922 г. - см. Н.Д. Жевахов. *Князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов* (Новый Сад 1934).

190 См. Geoffrey Bailey, *The Conspirators* (New York 1960).

191 См. ХХХ: "*Легенда и действительность*" (Трест) в: "*Возрождение*", май-июнь 1951 г., стр. 114-129. Ширинский-Шихматов мл. переехал во Францию, после оккупации Франции Германи-

ей был арестован и пропал без вести - вероятно, погиб в лагере.

192 Главный баварский архив, Министерство внутренних дел 73700 (нем.). См. также Август Винниг, *Возвращение домой* (нем.), стр. 179. Эти слухи породило сообщение, опубликованное в эмигрантском журнале "Русское дело" (Белград, конец 1922 г.), согласно которому генерал Комиссаров прибыл в Мюнхен для тайных переговоров с Шейбнер-Рихтером и Бискупским. Комиссаров был одной из центральных фигур царской охраны в 1900-1917 гг.: он играл важную роль в подстрекательстве к погромам, в поддержании связей с "черной сотней" и как-то был замешан в дело Распутина. Есть сведения, что позднее он работал на ЧК. Это сообщение, немедленно опровергнутое ("Возрождение", 7 февраля 1923 г.), все-таки цитировалось в переписке Бискупского с Гиммлером 12 годами позднее (см. Национальный архив, Вашингтон, EAP 161-b-12/139/, папка 148).

193 Евгений Вершинин. *Мир в лапах Сатаны*. (Берлин-Шанхай 1933), стр. 146, 157.

194 Большую часть биографических данных можно почерпнуть из его сочинения *Juedischer Imperialismus*, третье издание (Лейпциг 1933) и обширной корреспонденции с Гиммлером (*Records of the Reich Leader SS and Chief of the German Police*, National Archives, Washington, EAP 161-b-12/66 folder 269).

195 *Масонство и русская революция* (Новый Сад 1922).

196 *Juedischer Imperialismus*, p. 7.

197 *Jude und Weib. Theorie und Praxis des juedischen Vampyrismus* (Berlin 1939).

198 *Juedischer Imperialismus*, p. 7.

199 Переписка Бостунича с Гиммлером в Национальном архиве в Вашингтоне.

200 "Смерть палача". "Луч света", т. IY. Немецкий перевод был

опубликован в 1936 г. в Граце. Бостунич продолжал писать пьесы и в нацистской Германии, но без заметного успеха. Гиммлер воспротивился постановке его пьесы "Невеста СС", отметив, что намерение достойно похвалы, но исполнение не блестяще.

201 Письмо от 8 ноября 1935 г. Переписка Бостунича с Гиммлером.

202 В *Juedischer Imperialismus* содержится еще одно его великое открытие: в истории России всех самозванцев звали Григорий.

203 После 1935 г. он все больше специализировался на масонстве, так как область антисемитизма оказалась перенаселенной и на его услуги спрос, по-видимому, сократился.